

Иванна Самович

Узы Великого Петра

Иванна Самович

Узы Великого Петра

«Автор»
2026

Самович И.

Узы Великого Петра / И. Самович — «Автор», 2026

Эта книга о жизни, деятельности и любви царя Петра I Великого, о людях, которые его окружали, о женщинах, которых он любил. Роман охватывает период со становления его, как личности, до последних дней его жизни. Акцент в романе поставлен на личную жизнь царя, а деятельность его выступает как фон, объясняющий его чувства и поступки. Тайная любовь Петра стала роковой и повлияла на дальнейшую историю государства.

© Самович И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 28
Глава 4 45
Глава 5 50
Глава 6 52
Глава 7 55
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Иванна Самович
Узы Великого Петра

Глава 1

1698 год, августа 25. Всю Москву встревожила весть: «Государь Пётр Алексеевич вернулся!». Колокола лениво прозвонили от вечерни. Карета Петра уже катила, тарахтя колёсами, по московским улочкам. Рядом с Петром находились верные друзья и его подданные Лефорт и Головин. Все трое, радостно и возбуждённо переговариваясь, посматривали в окно, провожая взглядом проплывающие мимо дома и постройки, отмечая вслух те изменения, которые произошли на улицах за время их долгого отсутствия.

– Смотрите! Там, какие хоромы построены! Раньше их не было!

– Да, не скуп хозяин! Кто же это? Видать деньжата водятся!

– А там смотрите! Пристройка появилась новая.

– Что ни говори, как бы в гостях не было хорошо, друзья мои, а дома несравненно лучше! – воскликнул Пётр, с жадным любопытством осматривая окрестности. – Большие дела, мыслю я, нас ждут! Набрались ума разума в странах западных, теперь свою землю будем обустраивать. Хватит нам в дикости и отсталости прозябать. Эти полтора года по заграницам не пропали для нас даром. Обустроим матушку Россию, – говорил он возбуждённо, поочерёдно похлопывая по плечу своих товарищей при расставании. – Долго отдыхать не дам. Не ждите! Дела не терпят.

Развезя своих сподвижников по домам, задумался. Домой ехать явно не хотелось.

– Ещё, когда в чужих краях был, дал поручение духовнику моему патриарху Адриану. Должон был уговорить Авдотью добровольно удалиться в монастырь, – подумал Пётр, насупясь. – Не справился с поручением. Недостаточно усердие проявил. До чего постыла жонка стала! Душа моя не принимает. Видеть её никак не желаю. После бунта стрелецкого даже ненавидеть стал её и весь её род Милославских. От старины оторваться не желают. Да, к тому же, глупа она! От такой жены один конфуз для державы. Стыдно перед послами и гостями иноземными.

Пётр помрачнел ещё больше. Радостное настроение сменилось гневом.

– Разве такая царица нужна государю Российскому? Авдотья верна русским старинным понятиям. Она никак не может быть мила моему сердцу. Мне нужна совсем другая. Та, которая бы умела не плакаться, не жаловаться, не причитать. Чтобы умела бы весёлой и лёгкой быть. Такая жонка, которая бы со смехом, с нежной лаской, и шуткой сумела отогнать от меня чёрные мысли. Сумела бы, если требуется, разогнать мою досаду, развеять гнев. Мне такая нужна, которая не чуралась бы и веселья, и частых пирушек. Сама бы любила, и сама бы и затевала их. Чтоб плясать хорошо умела с удовольствием, весело и легко осушала бы бокалы вместе со мной.

Пётр, отойдя от размышлений, тяжело вздохнул, тоскливо смотря на мелькавшие перед взором постройки.

– Перво-наперво избавиться от Авдотьи. Стыд для будущей России такую царицу иметь. Она должна уметь утешать меня, когда надо. Я обременён заботами, делами и радением о государстве своём. Должна не только плясать, завлекать всех красивыми иноземными нарядами, но и владеть немецкой или голландской речью. Ей придётся говорить с послом или купцом иноземным, или просто с иноземцем-ремесленником.

Пётр безнадёжно вздохнул, предвидя и представив себе, сколько неприятных моментов его ожидает в связи с этим его решением.

– Гони в Немецкую слободу! В Кукуй-город! – приказал он вознице.

Память рисовала ему приятные моменты, проведённые в семействе у виноторговца Ивана Монса, одного из жителей Кукуя-городка. Вот туда он и решил направить свои «благородные стопы». Дочь Монса Анна была предметом его любовных страданий ещё до отъезда в заграничное путешествие. Но там, в чужих краях, он редко вспоминал о ней. Новые впечатления, новые увлечения захватывали и стирали память о прошлом. А вот сейчас при возвращении на родину воспоминания нахлынули, и он не нашёл для себя места более приятного и желанного, чем любовь и ласки красавицы Анны.

– Да не в объятия же постылой Авдотьи возвращаться, – подумал с отвращением Пётр, нахлобучивая на голову треуголку, и вылезая из повозки возле дома, когда-то страстно любимой им женщины.

Лёгкая улыбка, всё же, промелькнула на его лице, он был и сам крайне удивлён собой, что после столь долгого отсутствия, всё ещё одержим прежней страстью и спешит обнять одну из самых красивейших женщин Немецкой слободы, свою несравненную Анну Монс.

Семья Монсов Петра встретила приветливо. От Анны Пётр вернулся поздно. Ночь провёл в деревянном домике в Преображенском. Сон долго не приходил. Одолевали мысли. Возбуждённый ласками красавицы Анны, хорошим вином, которое всегда водилось в доме Монсов, крутясь с бока на бок, он перебирал в памяти рассказы, услышанные накануне в Кукуй-городке.

Воспоминания возвращали его в былое прошлое, память рисовала картины отъезда в страны Западной Европы. Был он в составе Великого посольства. Цель поездки, в которую отправился полтора года назад, – сделать попытку для создания антитурецкого союза. Формально посольство возглавляли друзья: Лефорт, Головин и Возницын. Сам он пожелал быть Пётром Михайловым, урядником Преображенского полка при этом посольстве. Так было вольготнее и расширяло круг общения.

Посольство побывало в Курляндии, Бранденбурге, Голландии, Англии, Австрии. Множество впечатлений, знакомств, встреч, и всё это пришлось прервать.

Весть о стрелецком бунте застала его в Амстердаме. Возвращался с твёрдым намерением: «вырвать семя Милославского, угасить огонь мятежа».

– Кукуйцы ныне сказывали, как после моего отъезда, слухи поползли по Москве. Толки эти обрели громадные размеры, стали искрой, брошенной в порох. «Царя Петра не стало за морем», «Бояре государя-царевича задушить хотят», «Царица спрятала царевича, а бояре её, царицу, по щекам били», – и это всё говорили мои тётки и сёстры. А за ними вслед вести распространяли служанки и горожанки, – вспоминал Пётр не в силах успокоиться.

– В Москву, быстрей в Москву! Перебьём бояр, разорим Кукуй, перережем ненавистных немцев! – кричали взбунтовавшиеся стрельцы.

Картины бунта в воспалённом мозгу вырисовывались особо ярко. Широко раскрытыми глазами, подложив руки под голову, невидящим взором Пётр смотрел в потолок, вспоминая всё услышанное накануне у Монсов.

– Слава богу, и немцы остались целы и Кукуй-городок. Молодцы Гордон и Шеин – верные мне служаки! Четыре полка и дворянскую конницу подтянули к Новоиерусалимскому монастырю для подавления бунта. И Де Граге не сплоховал. Огонь его пушек, сказывают, привёл в смятение восставших. Двадцать стрельцов положил разом! Учиню дознание и расправу. Никого не пощажу!

Уже начал брезжить рассвет, когда сон наконец-то посетил его, сделал тяжёлыми веки, заставил отодвинуть пережитое. Петр забылся в глубоком сне.

С утра к его домику в Преображенском начал стекаться народ. Кто-то прибывал по вызову Петра, а кто-то сам имел нужду. Несколько дней сряду Пётр принимал всех, расспрашивал, давал распоряжения, разбирал челобитные, делился впечатлениями, вынесенными из-за границы.

Рядом на столике под рукой лежали ножницы. Всех, кто был из бояр, он хватал за бороды, ловко, орудуя ножницами, обрезал их. У тех, кто более сопротивлялся, иногда получалось отхватить бороду вместе с кожей.

– Сам виноват! Не перечь государю своему, – смеялся весело Пётр, напоминая ребёнка, забавляющегося собственной шалостью.

Всё это он проделывал весело с присущим для него азартом. Пол возле его ног был усеян чёрными, русыми, рыжими, седыми прядями волос. Пётр, топчась по ним, время от времени, отбрасывал их в сторону, отгребая носком сапога.

Это были самые первые и самые трудные шаги к началу перерождения Петром России.

Через неделю после своего приезда Пётр надумал устроить пир. Ведь надо было отпраздновать прибытие на родную землю, разделить радость встречи со своими московскими друзьями.

– Тебе поручаю, любезный мой друг, это столь важное дело. Нет более весёлого человека при мне, чем ты. У тебя это лучше других получится, – говорил Пётр приветливо, с теплотой глядя на Лефорта. – Не забудь пригласить всех немецких дам Москвы и тех, кто в Кукуй-городке проживают!

Лефорт оказался на высоте. Роскошный и разгульный пир получился на славу. На пирушку гостей собралось около пятисот человек. Множество музыкантов, собранных в зале, составили многоголосый оркестр. Звуки музыки при их усердном старании разносились далеко по округе. Топот ног танцующих, заздравные тосты, крики пирующих, смех и возгласы – здесь было всё, что присуще сборищам подобного рода. Каждый провозглашённый тост сопровождался залпами пушек. Били из двадцати пяти орудий. Грохот стоял превеликий, закладывая уши присутствующих.

Пётр восседал за широким дубовым столом в облаках табачного дыма, окружённый людьми разного положения, разного сословия и достатка. В зале завис гул голосов, сизая дымка от табака, слышался смех и выкрики охмелевших сподвижников. Перед Петром стояли бутыли с заморскими винами, ковши с медовой водкой и квасом. От обильного подпития, языки у всех мужчин развязались.

– Был в гостях у венецианского посла. Какое угощение! Какие вкуснейшие блюда! Какие изысканные напитки...

При этих словах Пётр прищёлкнул языком.

– Встретился с Августом саксонским, королём польским.

Язык Петра от избытка выпитого хмельного заплетался.

– Четыре дня пили и кутили!

Пётр рассмеялся.

– Хороший человек! Полюбил его, люблю больше вас всех.

Он потянулся за ковшом с квасом, с жадностью приложился к нему и продолжил:

– Видите кафтан на мне? Его кафтан, с его плеча. В знак дружбы и любви обменялись одеждой.

Пётр похлопал себя ладонью по груди, этим жестом привлекая внимание присутствующих к своей одежде.

– Кличку ему дали «сильный». Правда, силён, не лгут! Силой мы с ним померялись, – рассмеялся опять Пётр.

Шумные беседы в окружении друзей явно доставляли ему удовольствие. Мимо сновали слуги, предупреждая желания подвыпивших господ. От табачного дыма и хмеля весёлая компания разомлела и расслабилась.

Генералиссимус, боярин Шеин, сидящий рядом с Петром, начал выхваляться перед государём, показывая, какой он ловкий и предприимчивый.

– Довольны мною в отряде моём. Многим добрые дела делаю. Отзывчив на просьбы я! Кого наградить, кого по службе продвинуть, кого защитить... Они мне презентик, а я им услугу, все рады, все довольны, – расплылся боярин в улыбке, осоловело, грядя на государя.

– Ах, ты, сукин сын!

Пётр порывисто выскочил из-за стола, подскочил к солдатам, стоящим на карауле в трапезной.

– А ну отвечай, братец, как на духу!

Лицо Петра побагровело от возмущения, глаза горели гневом. Он ткнул пальцем в грудь солдата.

– Мой Шеин берёт подарки за услуги? Отвечай, не лги, а то башку снесу! – кричал он перепуганному на смерть солдату.

От страха у того перехватило дыхание. Испуг охватил и танцующие пары, услышавшие звуки гневного голоса царя.

– Ну, отвечай!

– Да, – заикаясь, подтвердил солдат.

– Вы тоже подтверждаете?

Пётр, резко развернувшись, обратился к стоящим невдалеке в карауле ещё двоим солдатам. Те молча закивали головами, испуганно тараща глаза. Лицо Петра налилось кровью.

Ответы солдат усилили его гнев. Пётр выхватил шпагу и, колотя ей по столу, так, что щепы откалывались от дубовых досок, кричал в исступлении:

– Как колочу я теперь по столу, так разобью я весь твой отряд, а с тебя, генералиссимус, сдеру шкуру!

Ужас сковал общее веселье при звуках громового голоса Петра. Лица приглашённых немок-красавиц побледнели от испуга. Мелькнуло среди них с признаками страха и лицо Анны. Но Петра уже ничто не могло остановить. Его понесло. Царь со шпагой в руке бросился на Шеина. Жизнь подданного была в опасности. Ещё мгновение, он мог быть проткнут шпагой или обезглавлен.

Но к нему вовремя подскочили князь-кесарь Ромодановский и князь Зотов, они бросились удерживать царя. А Пётр всё не унимался. Гнев полностью поглотил его разум. Он рвался со шпагой на Шеина, отпихиваясь от удерживающих его князей. Несколько раз хватил по голове Зотова. Отрубил взмахом шпаги половину пальцев у Ромодановского. Два удара, направленные на Шеина, попали на Лефорта, ранили его. Удары были довольно чувствительные но, слава богу, не смертельные. Картина для страхом объятой публики представилась ужасающая. Лефорт лежал на полу раненый, несчастный, истекающий кровью. Кровь сочилась с руки кесаря и отрубленные пальцы валялись на полу. Зотов, морщась от боли, почёсывал ушибленную голову. Таков был результат разгулявшихся страстей подвыпившей компании.

Присутствующие были охвачены таким страхом, что боялись попасться не только под руку, но и на глаза своему разгневанному государю. Где-то там, в глубине зала среди испуганной толпы, находилась, трепеща от страха, и Анна Монс – царица этого бала. Она не решалась подойти и как-то смягчить гнев своего царственного любовника.

Но один человек, всё же, нашёлся и дерзнул. Он смело взялся за это опасное дело. Это был молодой и юркий человек, не оробев, он подскочил к государю, встав рядом.

– Не гневайся, мин херц, – произнёс он спокойно и вкрадчиво, беря Петра за руки.

Это был молодой юноша с выразительными чертами лица и огненным взглядом. Алексей Меншиков – так звали недавно появившегося при Петре фаворита. Черты лица Петра вмиг смягчились. Глаза уже не метали молний. Он опустил руку со шпагой, быстро пришёл в себя. Буря пронеслась мимо, и все с облегчением вздохнули.

– Алексашка, ты спас этого плута, этого ничтожного генералиссимуса. Он позорит мою армию. Ну, погодите ужо! Возьмусь я за вас всех! – пригрозил он.

Пётр подошёл к столу, капельки пота струились по его лбу. Разгорячённый схваткой он протянул руку, взял со стола ковш с квасом, жадно припал к нему, выпил, крякнул от удовольствия и задвинул шпагу в ножны. Подоспевший лекарь перевязывал раны Лефорта, останавливал сочившуюся с пальцев кровь Ромодановского, врачевал голову князю Зотову. Приглашённые на бал гости пребывали в растерянности и нерешительности, не зная, что предпринять.

– Продолжаем веселиться, господа! – объявил Пётр, обтирая губы от выпитого кваса ладонью, и уже весело глядя на окружающих.

Ослушаться государя никто из присутствующих здесь не посмел. Разгульное веселье и весёлые пляски продолжалась до позднего утра. И мало кто знал на том шумном балу, что ещё празднует в эту ночь Пётр Алексеевич, кроме радостного свидания со своими московскими друзьями.

– Одно хорошо, – думал с облегчением в это время Пётр, успокоившись, садясь за стол, и приглашая собравшихся на этом пиру подданных продолжить веселье. – Мне всё же удалось сбросить эти тягостные путы. Освободил себя от опостылевшей жены. Авдотья, кажись, смирилась и поняла, что для блага всех, ей должно быть в монастыре.

Думая об этом, он вздохнул с облегчением и радостным чувством. Поискал глазами среди танцующей толпы Анну и поднёс к губам кубок с вином.

Пётр сидел за столом, покуривая трубку, в облаке сизого табачного дыма. Он попивал вино, посматривая на своё окружение, слушал пьяную речь осоловевших от хмельного приятелей и одновременно вспоминал события прошедшей недели.

Ещё, будучи в поездке, Пётр прислал распоряжение духовнику и патриарху уговорить жену на подстриг. Те сделали попытку выполнить его волю, но царица не соглашалась, и они не дерзнули настаивать на этом. Пришлось Петру самому взять на себя эту миссию.

– Через два дня после приезда в Москву, я явился в хоромы Авдотьи и предложил ей добровольно удалиться в монастырь.

В памяти возникли моменты переговоров с женой. Поморщился, словно от зубной боли.

– Лапушка Петруша, – всплеснула она руками, – за что так гневен на меня? – спрашивала, рыдая. – Я не могла участвовать в заговорах. Это всё Софья, сестра твоя, за моей спиной и от моего имени плела сети. Неужто ты всё это не понял? Ты ведь очень люб мне. Я всегда верна была и предана тебе. Родила для тебя двоих сынов, родила наследника тебе. Пошто меня так обижаешь? – говорила она, всхлипывая. – Лапушка, ну пожалей ты меня! Я нянчу детей, читаю церковные книги, одариваю нищих, вышиваю, шью, веду благочестивую жизнь. Тебе не должно быть стыдно за меня. Я послушна тебе. За что меня в монастырь? За что гонишь от себя, Петруша? Ты шалишь на стороне, я знаю, молчу, не попрекаю. За что не люба я тебе?

Слёзы при этом ручьями текли по её щекам, она не успевала их смахивать.

– Как ты не поймёшь? – с раздражением пытался объяснить он ей.

Её упорство, непонимание и женские слёзы бесили его тогда.

– Я надумал выстроить новое государство на манер западных стран. А ты – глупа! Российской царице надо будет принимать заграничных послов и гостей всяких. Намерение я имею вступить в тесные связи со многими странами. Ну, что ты за государыня-царица? Я буду стыдиться допускать к тебе иноземцев, чтоб ты не сказала какой-нибудь глупости. От того пришёл бы ко мне стыд. Ты на своём-то родном языке двух слов связать не можешь, а тебе отвечать надобно будет на немецком или голландском. Ты разумеешь, о чём я говорю? Пойми всё это. Иди в монастырь, Авдотья! Иди по-хорошему, не доводи меня до греха. Я за Россию нашу радею. Нам голову поднять надобно, а я в землю смотреть буду от конфуза за жену-царицу.

На шестой день своего пребывания в столице Пётр четыре часа провёл в секретной беседе с женой.

– Губишь ты меня, Петрушенька, от дитя родного отрываешь. Без матери наследника своего оставляешь. Не простит он тебе этого, попомни мои слова. Плохо ребёнку без матери. Жизнь мне и ему поломаешь.

Авдотья уже не плакала. Она грустно с безысходной тоской глядела на мужа. От этого взгляда ему становилось ещё больше не по себе.

Весь свой гнев Пётр не замедлил выместить на духовных наставниках Авдотьи. В течение двух часов патриарх молил государя о помиловании его за то, что не выполнил волю его, запереть царицу в монастырь. Три духовных лица за пособничество и советы против указов его о постриге Авдотьи, были немедленно по его указу брошены в преображенские тюрьмы. А патриарх еле оправдался, успев откупиться большими деньгами.

На другой день после бала, проспавшись, и выпив полжбана квасу, наконец, придя в себя, Пётр отправился к своей любимой сестре Наталье.

Тёплые чувства пробуждала в нём царевна Наталья Алексеевна – была добра, кроткого и мягкого нрава. Она с нежностью относилась к своему братцу Петрушеньке, была ему, словно вторая мать.

– Сестрица, ты всегда была добра ко мне, выполни мою просьбу, – обратился Пётр к сестре, входя в её хоромы. – Поезжай к Авдотье, отбери у неё сына и отвези в мой дом в Преображенское.

– Ой, – испуганно вскрикнула Наталья, – пошто так, Петенька?

– В монастырь уходит Авдотья, на постриг согласная.

– Жаль её, Петруша, хоть она и Милославская, но мать ведь наследнику твоему. Жалко с ребёнком разлучать, не грех ли?

– Все грехи наши я отмаливать буду, а ты сделай это для меня, Наташа. Привези мальчонку в мой дом и присмотри за ним, пока всё устрою, –попросил он, целуя сестру в щёку.

После того как от Авдотьи оторвали её родное дитя, а царевна Наталья унесла его из её терема, у Тайной канцелярии появилась работа, она приступила к её допросу.

– Почему не исполнила повеление государя уйти в монастырь? Письма с повелением сего несколько раз были посланы государём из Амстердама. Ты получала их? Кто тебя удерживал от этих действий? Назови имена.

– Меня удерживал от этого мой долг матери. Я не знала на кого оставить единственное дитя своё, ведь другое дитя я потеряла, – смиренно отвечала Авдотья.

После допросов ей была оказана честь, разрешили выбрать один из предложенных двух монастырей для пострижения, оставив за ней право носить светское платье.

– Нехристи! Развратники! Ненавижу кукуйцев, – плача говорила она, покорно собираясь в дальний путь. – Эта кукуйская немка-девка, она оторвала от меня лапушку свет Петрушеньку, – со слезами говорила она провожающим, садясь в возок, глотая слёзы от ненависти и обиды. – Эта развратная девка околдовала моего Петрушеньку, разлучила меня с сыном.

Рано утром Авдотью увезли в Суздаль в Покровский девичий монастырь.

– Слава богу! Свободен! Избавился от Авдотьи. Сбросил тяжкие путы. Теперь могу над стрельцами суд учинять, – подумал Пётр, узнав о результатах дознаний.

С необыкновенной прытью Пётр бросился гасить мятежный огонь сопротивления. Кровь полилась рекой, проливали её стрельцы, посмевшие противиться царю. Они самоотверженно,

как герои, умирали за старую уходящую Русь. Трупы висели на Кремлёвских стенах, кровь лилась, не просыхая, и на Красной площади.

– Не хотим мириться с иноземством! Против бояр и князей, против немцев и немецких законов выступаем, – упрямо твердили они, ложась под топор. В продолжение всего октября тянулись длинные процессии стрельцов к площадям столицы: их вели и везли со всех сторон на кровавое побоище.

Народ томился под гнётом печали. Воля народа, его настроение отражались в эти тяжкие времена в народных песнях. Они с опаской звучали в домах горожан. Их появилось в это время множество. Тихо напевали друг другу, с опаской оглядываясь. Песни были посвящены стрельцам – народным героям, дерзнувшим выступить против государевых нововведений. Одну из них случайно услышала Наталья, проезжая мимо корчмы.

– Страшно, Петенька, – говорила она Петру, волнуясь, пересказывая свои впечатления, тихонько пропела ему услышанные слова:

Привели его на Красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы плечи.

– Не легко и мне, Наташенька. Эти кровавые зрелища не могут оставлять равнодушным. Ночами снятся. Спать мешают.

А вечером, укладываясь в постель, он делился со своим любимцем Алексашкой Меншиковым:

– «От мысли о бунтовавших стрельцах – гидр отечества, все уды во мне трепещут».

Сон не шёл. В глазах стояли сцены казни, фонтаны крови, бившей из-под плахи палача, скатывающиеся с помоста головы, крики, слёзы голосящих баб, трупы повешенных с посиневшими лицами и выпученными застывшими глазами. Пётр вскакивал, нервно ходил по палате, всё тело билось в конвульсии, начинала дёргаться голова, шея, до боли стягивало мышцы на лице.

– Каждую ночь уснуть не могу, судороги по телу ходят, – жаловался он своему фавориту, который в эти трагические дни неотлучно находился при нём.

Меншиков сочувственно посматривал на Петра, не зная чем помочь своему покровителю.

– А ну иди сюда! – крикнул вдруг Пётр в одну из таких ночей, подходя к дверям и высовываясь в коридор.

Подозвал к себе одного из денщиков, нёсших вахту ночью у его опочивальни. Вошёл могучий совсем ещё юный детина.

– А ну раздевайсь! – скомандовал Пётр.

Тот, испугано глядя на царя, поспешно стал выполнять приказ.

– Чего трясёшься? – спросил Пётр, заметив, как у денщика при снятии одежды вздрагивают пальцы.

– Так страшно же, – честно признался тот, стягивая с себя обувь.

– Не бойся, не обижу! – засмеялся Пётр. – Исподнее не снимай! Ложись в мою постель! – распорядился Пётр.

Перепуганный и дрожащий денщик полез в постель и нырнул под шёлковое царское одеяло.

Меншиков в это время, примостившийся для сна на широкой лавке в спальне царя, с улыбкой, не скрывая любопытства, высунув лицо из-под одеяла, с интересом наблюдал эту сцену.

– Чего лыбишься? – сердито прикрикнул на него Пётр, задувая свечи. – Мне уснуть надобно. Третью ночь не сплю, только слушаю твой храп.

Пётр, кряхтя, залез в постель и лёг рядом с денщиком.

– А ты, братец, не трясись, запрещаю! Трястись могу только я. Вишь, как меня конвульсии бьют. Держаться буду за плечи твои, авось усну. Послужи, брат, царю-батюшке.

Только крепко уцепившись за мускулистые плечи могучего детины, мышцы Петра расслабились, боль в них притупилась, и он смог, наконец, уснуть.

Глава 2

В Москве на правом берегу Яузы, по распоряжению самого Ивана Грозного, в слободу были поселены иноземцы разных вер и наций. Англичане, французы, немцы, голландцы и другие народности – все были собраны по всей Москве и выдворены в одно место. Немецкая слобода со временем смогла стать, как бы особым городом. Она отличалась и по своему внешнему виду, и по образу жизни её обитателей. Пустырь, отведённый под неё, вскоре превратился в прекрасный уголок столицы с красивыми домами, огородами и садами, с иноземными кирхами.

Тут жили люди всех национальностей, разных вероисповедований, языков и занятий. А рядом с ними располагались семьи полковников и генералов, мастеров и ремесленников, торговцев.

Вот так и золотых дел мастер Монс, он же виноторговец, поселился и проживал вблизи дома покойного служилого генерала Гамильтона. Но, несмотря на все сословные отличия, иноземцы жили не замкнутой жизнью. Общение проживающих здесь жителей получило в Кукуй-городе большое распространение. Вечеринки происходили беспрерывно. Старики собирались в отдельных покоях, дымя трубками, осушая стаканы, играя в настольные игры. Молодёжь без устали танцевала в соседних покоях. Пляски, начатые часов в пять пополудни, оканчивались где-то под утро. Все просто и свободно общались. Хотя, порой, доводили это общение до ссор и драк, подгуляв и в избытке приняв хмельного. Время вместе проводили весело. Сходились друг к другу вместе с семьями: дочерьми, жёнами, племянницами.

А в это время русской боярышне или барыне, по заведённому обычаю, за торжественными обедами московской знати положено было лишь отвешивать поклоны, церемонно лобызаться с почётными гостями. От красавиц, обитавших в теремах, кроме слов «да» и «нет», «не знаю» ничего нельзя было добиться. В Немецкой же слободе на общих собраниях иноземцев царила относительная свобода, простота и веселье.

Петру, ненавидевшему обрядность и церемонность русского быта, пришлась по душе жизнь иноземцев этого городка. В их компании задолго до заграничной поездки он с удовольствием проводил время. Просиживал за чарками водки и пива, слушал хвастливые рассказы иноземцев о красотах заморской жизни.

Любовь свою первую Пётр встретил здесь же в Немецкой слободе. В семье золотых дел мастера и виноторговца было три сына и две дочери. Лефорт, приехавший в Россию из Женевы, вскоре подружился и стал лучшим другом царя. Он был весёлый гуляка и кутила, поклонник женской красоты, часто проводил время в доме виноторговца Монса, приударял за хорошенькими его дочерьми. Поговаривали даже, что он был любовником младшей дочери Анны. Лефорт познакомил молодого царя с этим семейством, в том числе и с красавицей Анной. Анна не была строгих нравов, не слыла недотрогой и стала фавориткой для обоих друзей.

В этой семье искал отдых Пётр после столь длительного отсутствия. Это была семья давнишних друзей, и дом, в котором обитала первая красавица Кукуй-городка. Его жене Авдотье доносили. Она знала, где муж проводит время, с гневом и проклятиями вспоминала Немецкую слободу, когда вынуждена была отправиться в Суздаль в заточение.

Страсть Петра к Анне Монс вспыхнула с прежней силой. Лефорт всё-таки уступил другу, с сожалением отказался от красавицы. Анна всецело стала принадлежать Петру.

Весть о том, что Пётр заточил в монастырь жену, отдав предпочтение чужеземке, быстро распространилась по Москве. Об этом заговорили и в домах русских вельмож, и в домах иноземцев, и в избах простолюдинов.

– Какой он государь? Басурман! – В среду и пятницу ест мясо и лягушек. Царевну свою сослал в ссылку и живёт с иноземкою Анною Монсовой, – шёл ропот из уст в уста по деревенским избам. Примерно такие разговоры велись и в домах горожан. До ушей Петра доходили эти разговоры, но он был занят другим, его ждали большие дела и великие цели.

– Знаешь, наше Великое посольство в чужие страны не принесло мне ожидаемое, – делился своими мыслями Пётр с Меншиковым. – Морские державы Голландия и Англия не захотели поддержать нас против Османского хана, они готовятся к войне против Франции. Но время я зря всё ж не потерял, анти шведский союз сколотить удалось. Данию и Саксонию привлёк к себе. Надобно иметь выход нам не только к Чёрному морю, но и вернуть себе Балтийское побережье, свои Ижорские земли. Поди уже без малого сто лет ими владеют шведы.

– Да, выход на Балтику нам нужен, торговля пойдёт бойчее, – отозвался Меншиков. – Так добре удалось давеча Северный союз оговорить. Иноземцы оттуда давно в Москве околачиваются. Иоганн Паткуль более недели как из Риги прибыл. В доме вице адмирала Крейса пасётся, а вместе с ним генерал-майор Карлович из Варшавы от короля Августа. Нужды у нас здесь не терпят. Но, сказуют, что вельми скучают. Москва – не Европа, сам ведаешь, мин херц.

– Да, ведаю. Гостил у меня этот лифляндский рыцарь Паткуль, поведал, как им там живётся-тужится под шведами. Шведские бюргеры с попустительства сената отбирают у дворянства земли. Многие местные бароны покидают свои вотчины. Их земли король забирает в казну. Паткуль говорит, написал челобитную королю, так добился того, что его приговорил сенат к отсечению правой руки за написание сей челобитной и к отсечению головы. А купечество, которое везёт товар через рижский порт, обложили шведы такими налогами, что корабли с товаром сворачивают мимо Риги в Кенигсберг. Весь хлеб уходит с Польши в Бранденбург. Порт опустел, рижане голодают, поля травой зарастают. Лифляндское рыцарство разорено шведами, вот они и милуются с Королём Августом, сей саксонец обещает их под державную руку Польши взять, – попыхивая трубкой, делился мыслями Пётр.

– У всех у них свои счёты со шведами, сие отрадно, нам на руку.

– Да, ты прав, Алексашка, потому Северный союз и был давеча тайно от шведов оговорен. По договору Дания и Саксония начинают первыми военные действия, а мы обязались выступить сразу после подписания мирного договора с турками. На два фронта вести войну России будет тяжко.

– Карлович баил, в прошлом году был в Стокгольме и насмотрелся на королевский двор. Карл XII совсем ещё молод и глуп. Пиры, девки у него на уме. За зайцами по лесам скачет, а казна пуста. Рядится в одежды, подобно девке. По ночам он со свитой своей выходит из дворца бить окна и пугать своих же горожан – таков сей юный король.

Пётр рассмеялся.

– По себе знаю, горе стране, где король юн.

Посмотрев на Меншикова, добавил:

– Оговорить договор против шведов мы оговорили, теперь подписать надобно. Завтра, Александр Данилович, приведёшь их ко мне тайно со всеми осторожностями с написанным договором.

– Исполню, мин херц, не изволь беспокоиться, – с готовностью отозвался Меншиков.

Было сыро. Моросил дождь. Порывистый ветер срывал пожухлые последние листья с обнажившихся деревьев, и гнал их куда попадя. Несколько бурых мокрых листков прилипли к коже кареты, подъехавшей к крыльцу и остановившейся возле Преображенского жилья царя в раннее туманное ноябрьское утро. Из кареты спустил ноги в высоких ботфортах Александр Меншиков. Вышел. Оглядел пустынный двор и тихо произнёс:

– Выходите, господа.

Из кареты один за другим не спеша вылез лифляндский рыцарь Паткуль, а за ним толстый польский генерал Карлович. Все спешно взошли на крыльцо и скрылись за дверью. По безлюдным коридорам, переходам и лестницам, оказались возле небольшой низкой двери. Меншиков постучал. Дверь открыл сам Пётр. Вошли в небольшую спаленку с одним слюдяным оконцем. Пётр с Меншиковым прошли вперёд, а гости остановились на пороге, привыкая к полумраку и осматриваясь.

– Скорее это есть голубятня, чем покои государя, – сквозь зубы шёпотом процедил по-польски генерал Карлович Паткулю.

– Проходите, господа! Милости прошу в мою конуру! — весело произнёс Пётр, заметив недоумение в глазах прибывших. – Ну, как? Написали? Привезли?

– Тайный трактат готов, мы привезли, генерал Карлович прочтёт.

Меншиков зажёг и поднёс свечу. Карлович, вынув небольшой лист бумаги, отстранив его далеко от своих глаз, начал читать:

– «Для содействия Российскому государю к завоеванию у Швеции неправедно отторгнутых ею земель и к твёрдому основанию русского господства при Балтийском море король польский начнёт с королём шведским войну вторжением саксонских войск в Лифляндию и Эстляндию, обещая склонить и Речь Посполитую. Царь со своей стороны откроет военные действия в Ингрии и Карелии тотчас по заключению мира с Турцией, не позже апреля 1700 года, и между тем в случае надобности, пошлёт королю польскому вспомогательное войско под видом наёмного. Союзники условливаются в отдельные переговоры с неприятелем не входить и друг друга не выдавать. Сей договор хранить в непроницаемой тайне».

– Всё?

– Всё.

– Ну, что ж пусть будет так. Великое дело затеваем!

Пётр облизал пересохшие губы.

– Завтра выезжай, Иоганн, в Варшаву и постарайся к середине декабря привезти подлинную подпись короля Августа, – промолвил Пётр, прощаясь с посетителями.

Оставшись вдвоём с Меншиковым, произнёс:

– Пришли вести из Константинополя о заключении мира. Согласились-таки уступить России Азов. Руки развязаны, теперь за шведов возьмёмся. А тут вот ещё после похода на Азов бумаги лежат не разобранные.

Пётр показал на лежащий в углу кабинета кожаный мешок.

– У самого руки не доходят до всего этого, а доверить только тебе могу, Алексашка. Поройся, выбери из мешка Аннушкины письма, положи ко мне на стол, а всё остальное отдай в канцелярию, пусть разберутся, переберут, может что-то пригодится, найдут что-то важное для нас. Там донесения, письма челобитные есть, – говорил Пётр, натягивая на ноги сапоги, торопливо засовывая в карман парик, нахлобучивая на ходу треуголку, направился к выходу.

– Всё будет в лучшем виде, мин херц, не сомневайся. А сам-то, небось, к зазнобе направляешься в Кукуй-город? – добавил Меншиков, лукаво улыбаясь.

– Туда. Развлекусь малость, пока время есть. А то в поход пойдём, свои земли у шведов отнимать. Вот с турками уладили, теперь со шведами разбираться будем, потом мне будет не до развлечений, – ответил, улыбаясь, Пётр, прикрывая за собой дверь.

Сюда, в кабинет, сквозь бревенчатые стены Преображенского царского дома долетел стук колёс и топот копыт отъезжающей кареты Петра.

С минуту, посидев в раздумье, Александр перенёс к столу мешок, развязал кожаные тесёмки, плотно стягивающие раздутый от бумаг мешок, начал одну за другой вынимать из него: письма, донесения, пакеты, перебирая бумаги, оставшиеся непрочитанными после последнего азовского похода. Работа шла медленно и нудно. Позёвывал, прикрывая рот рукой. Но вскоре, приловчившись, научился быстро определять в этой массе разного рода бумаг, послания царской фаворитки.

– А писано-то всё это не твоей ручкой, – с ехидцей в голосе вслух произнёс Александр Данилович.

Не сдержавшись от любопытства, развернул одно из писем.

– Секретарь, поди, пишет. Сама она по-русски еле калякает, – подумал он с неприязнью, пробегая глазами письмо. – Да, точно! Подписи свои ставит, небольшие приписочки по-немецки – тоже её. «Милостивейшему государю Петру Алексеевичу, многолетнего здравия и счастливого пребывания». – Ишь, хитрая лиса, как стелет-то. Нас мужиков-дураков за здоров-живёшь, бабы голыми руками захватывают.

Просмотрев одно послание, Александр взялся за прочтение другого. «Челом бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловал, обрадовал и дал милостиво ведать о своём многолетнем здравии через милостивое твоё писание, об котором я всем сердцем обрадовалась. Дай Бог, чтобы нам вскоре видеть милостивое пришествие твоё».

– Тьфу, стерва! – с досады сплюнул Меншиков, продолжая листать страницы. «Посылаю четыре цитрона и четыре апельсина, чтоб государь кушал на здоровье», «вельми печалюсь, что у меня убогой крыльев нет, а ежели те крылья были, то сама принесла всё это милостивому государю». – Хитрая, льстивая, умеет вползти в душу!

Александр глянул на подпись: «вернейшая до своей смерти» Анхен.

Открыл следующее письмо и прочёл строку: «Умилостивься, государь Пётр Алексеевич, для своего многолетнего здравия, свой государев милостивый указ учини...»

Отложив в сторону письма, Александр, глянув на стопку их, задумался.

– Хитрая баба, во всех письмах просьбы и корысть для себя и своей родни. И не только. Слышал, потянулись к ней людишки с просьбами за хорошие презенты хлопотать перед царём.

По тому, как она благодарит, из писем видать, что мин херц у неё на поводу ходит. Уж не в будущую царицу он её готовит?

Меншиков оставил аккуратную стопку писем Анны Монс на столе царя, всё остальное сгрёб обратно в мешок. Наскоро перевязал его и с мешком направился к выходу, спеша выполнить просьбу Петра о передаче их в царскую канцелярию. Но мысль, однажды запавшая в голову, не давала покоя, раздражала, вызывая досаду.

– Такая царица для России – чистое наказание. Хуже Орды. По кускам Россию растащат, кровопийцы. Красавица, «ангелоподобное существо», как немцы её называют, а какая алчность и корысть. Государь для неё ничего не жалеет. Подарками забросал щедрыми. Сам видел! Ей свой портрет подарил в 1000 рублей, осыпанный драгоценными каменьями. Получила она уже несколько имений с разными угодьями и крестьянами, выпросила себе ежегодный пансион. Мин херц даже за счёт казны, выстроил этой девке возле кирки в Немецкой слободе палаццо огромный. Не примечал я что-то прежде у него подобной щедрости. Сам кафтан годами с плеч не сымает. Семья Монсов силу при дворе приобретает, свои делишки творят через Анну. Мин херц уже двоих её братьев на службу взял. Это с её лёгкой руки по всей Москве на заборах объявления развешаны, всем мало-мальски зажиточным русским людям зимою ходить в венгерских кафтанах или шубах, а летом – в немецком платье. Отныне не одна русская дворянка не смеет являться перед государём на публичные празднества в русском наряде. У государя – ратные тревоги на уме ныне, а он ослеплён прелестями фаворитки и не ведает, что за спиной-то деется. Надо начинать очи-то ему полегоньку открывать, – размышлял Александр Данилович.

Окликнул денщика, передал ему мешок с бумагами.

– Отправь, братец, в царскую канцелярию, – распорядился он.

Меж тем в Москву со всех застав и деревень потянулись обозы. Пётр серьёзно озаботился ратными делами. Везли людей для регулярного войска. На заборах, на столбах были прибиты из жести грамоты о наборе добровольцев в ратные войска. Воину обещали хлеб и прокорм, винную порцию и одиннадцать рублей в год содержания. Вся кабальная челядь, холопы, недовольные своими хозяевами, деревенская беднота, живущая впроголодь, уходили в Преображенское. Туда ежедневно стекалось до тысячи душ мужиков.

До глубокой ночи простаивали люди. Все они ожидали своей очереди на холоде под пронизывающем ветром. До той самой поры, пока не дождутся, чтобы офицер с крыльца назвал их имя. После этого их заводили в дворцовые подклети, приказывали раздеться до нога, разуться и заходить в палату. Там, в жаре и духоте коптящих расплавленных свечей, сидело несколько офицеров, которые внимательно осматривали прибывших, записывали имена, прозвища, какой год от рода, мерили рост, заглядывали в рот. В случае годности, зачисляли в полк, объявляя в какой именно. Новобранцев битком набивали в избы в нововыстроенных слободах за дворцовым двором. Кормили сытно, но воля им была не положена.

С утра до позднего вечера шла учёба, муштра. С плаца доносились голоса, обрывки команд, окрики командиров. Неловкость или забывчивость при случае сопровождались плёткой или палкой. Приучали к немецким командам, ну и, конечно же, к слову «швайн», «русиш швайн» – это понимали все, знали – ругань. Значит, что-то делал не так.

Командовали и обучали новобранцев в основном иноземные офицеры. Учили неразрывному строю, ровному шагу, дружной стрельбе, натиску. За провинность служилых перед строем, заголив зады, били без пощады и жалости. Особо тяжко приходилось бомбардирам, много команд приходилось им запоминать. В бомбардиры отбирали более смышлёных, ловких и шустрых новобранцев.

По распоряжению Петра были разосланы младшие офицеры и на Север, и на Юг набирать в полки людей для отсылки в Москву. Ходили, собирали мужиков по базарам, забирались в лесную глушь, в скиты. Там всегда много таилось беглых и праздных людей. Привлекали охотников, лесовиков, беглых каторжан и затаившихся в глухих местах стрельцов. Сейчас никто не спрашивал их о прошлом. Царю нужны были воины, чем больше, тем лучше.

– Пора выводить наших людей из темноты и невежества, – всякий раз повторял Петр при случае своим подданным.

Вот и сейчас озабочен этой мыслью был.

– Послушай, Алексашка, – обращался он к своему фавориту, сидя за столом и склонившись над листом бумаги, какой закон я учинить хочу, второй день над ним потею. «По примеру всех христианских народов – считать лета не от сотворения мира, а от рождества Христова, и считать новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года. И в знак того доброго начинания и нового столетнего века в увеселении друг друга поздравлять с новым годом. По знатным и проезжим улицам у ворот и домов учинить некоторое украшение от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых... Перед бургомистерскою ратушей стрельбе и огненным украшениям по их рассмотрению быть же...»

– Ну, как? Что скажешь? – Пётр оторвал взгляд от бумаги и снизу вверх посмотрел на Меншикова, подошедшего к его столу.

– Что скажу? Веселье скорое предстоит. Как может сие не понравиться? – оскалил зубы в улыбке Александр. – Веселье народу завсегда по сердцу!

Подошёл срок, и праздник справили, как всегда, с размахом. Такого звона колоколов Москва давно не слышала. Патриарх Адриан, не смея перечить государю, на себя взял это действие, тысячу рублей отпустил пономарям за звон колоколов на звонницах и колокольнях.

На дворе стояли лютые морозы. Скрипел морозный снег, Москва была укутана дымами, паром от разгорячённых тел людей, лошадей. В чаду стояли все кабаки, заезжие дома, открытые и день, и ночь. По всей Москве трещали выстрелы, громыхали пушки. Орал, бесновался одуревший от звона и хмеля простой люд. Сани проносились по улицам города полные пьяных и ряженых с мазаными сажей лицами, в вывороченных шубах. Всю неделю до крещенья шумела, гудела, веселилась Москва.

Пётр со своими сподвижниками, пустясь в безудержное веселье и загул, объезжал знатные дома с шутовскими визитами. А в это самое время многие горожане – люди, богобоязные и тихие, приверженцы традиций своих предков затаились в тоске и смятении, боясь выходить со двора.

– Непонятно. К чему такое безумие! Никак чёрт нашёптывал нашему царю мутить народ, ломать наши старые милые сердцу обычаи то, чем мы всегда жили..., – шептались они по углам. – Всё плохо, всё не по нему! Антихрист! Право слово – антихрист явился на земли русские, – возмущались они.

– Неплохо повеселились. Праздник на славу удался! Ты прав был, веселье народу всегда по сердцу, – приговаривал Пётр, шумно отхлёбывая из кружки. – После вчерашнего веселья голова ещё кругом идёт. А ты, Алексашка, силён! С тебя я смотрю, как с гуся вода, словно малосольный огурчик выглядишь. Ни в одном глазу.

– Да, выпить могу, – сверкнул озорно глазами Меншиков. – А праздник и верно удался. Народ привыкнет, мин херц, дай только время.

– А знаешь, Алексашка, запала в меня мысль ещё одно шумное веселье учинить, народ порадовать. 1 апреля отпраздновать желаю – День пробуждения от зимней спячки Водяного. Подурачимся, игрища, розыгрыши учиним.

– Водяного? Ишь, хватил! – удивлённо вскинул глаза Александр. – А что духовники наши скажут? Язычеством попахивает, – произнёс он, широко улыбаясь.

– Стерпят! Не впервой. Зато, какое веселье для народа, да и для нас грешников, – смеясь, отозвался Пётр. Ты на неделе отыщи и пришли ко мне нашего чернокнижника графа Якова Брюса. Покумекаем мы с ним.

– А не рано ли? Крещенские морозы ещё на дворе!

– В самый раз. Подготовить всё надо загодя. Скажи, что там люди о Брюсе сказуют? Правда ли то, что сотворил Яков себе механическую горничную? Не брешут?

– Не, новая горничная – красавица писанная была! Прибиралась по дому. Один недостаток – говорить не умела, искусственная была. Сделал он её из цветов и проволоки. Что же касаемо остального, по девичьей части, то говорят, у неё всё в порядке было: резва, естественна. И статью взяла, и умом, и обхождением, отчего дряхлый старый Брюс стал юношей держаться. Сам я не успел повидать её, люди бают, жена Брюса приревновала эту служанку к мужу. Когда он был на службе, разнесла её дубиной.

– Ну и баба! Огонь! Ха-ха-ха…

Оба долго не могли сдержать смех.

Вот уже и зима прошла. Днем стало щедро пригревать солнце, образуя длинные сосульки на крышах строений, заставляя их источать слёзы до самого заката. Ночью всё подмерзало, и мороз вступал в свои права, но его никто не опасался. Люд уже был настроен встретить обновление природы. Холодные зимние дни заточения в избах утомили всех. Днём выходили на улицу, с удовольствием подставляя лица тёплым солнечным лучам. А тут подоспело и 1 апреля. Все знали, в этот день пробуждается от зимней спячки Водяной. Царским указом было в этот день определено веселье. А к веселью народ был всегда расположен.

С утра народ валом повалил к Москва-реке, охваченный праздным любопытством и желанием повеселить разгульную русскую душу. И царь Пётр со своей многочисленной свитой уже порядком навеселе вышел к берегу реки, с таинственным видом пересматриваясь и переговариваясь с Яковом Брюсом, иногда подавая кому-то какие-то знаки. Все поняли, готовится какое-то действо. На берег уже подогнали упитанную кобылу. Водяной требовал жертвы. И вот обречённое животное опутали якорными цепями и подтащили к проруби. Толпа от возбуждения заволновалась, загудела. Под улюлюканье и свист толпы сопротивляющееся животное бросили в воду. Пётр замер.

– Удастся или не удастся свершиться этому розыгрышу, ведь несколько недель потратил на сие развлечение. Яков – великий изобретатель! Не должон подвести.

Как только лошадь погрузилась в воду и над ней разошлись последние круги, Пётр незаметно дал знак Брюсу

– Только бы канаты не подвели, ночью Брюс закрепил это чудо подо льдом с двумя мужиками. Говорил, что надёжно. Поглядим!

Вдруг неожиданно на реке раздался угрожающий хруст льда. Все притихли и замерли, недоумевая и удивляясь. В наступившей тишине неожиданно из воды вдруг выпрыгнул Водяной. Ростом он был выше царя на две головы, да и шире раза в два. Весь болотного цвета. Ручищи – как вилы. Глазища – огнём горят. А рожа такая, от которой волосы дыбом встают. Народ ахнул в ужасе, замер, многие осеняли себя крестом. А Водяной своими ручищами, оканчивающимися вилами, сгрёб троих царских шутов, стоящих поблизости, и которых Пётр специально не предупредил об опасности, сбросил в воду. Двое из них утонули сразу в ледяной воде.

Людская же толпа, отойдя от потрясения, бросилась бежать, разбегаться кто куда. Пётр с подвыпившими спутниками вмиг протрезвел. Один из его сподвижников, выхватив саблю, бросился на водяное чудовище, не распознав розыгрыша. Механическое чудовище вмиг отбросило его, сильно ранив в бедро. Поднялась паника.

Ох, ты, мать моя! – воскликнул, недоумевая, Меншиков, сдвигая на затылок шапку.

Он, пожалуй, единственный, кто не растерялся, сорвался с места, прикатил с берега пушку, приготовленную для салюта, и принялся из неё палить по проруби. Этими решительными действиями чуть не утопив своих собутыльников вместе с царём. Сам изобретатель «потешного» Водяного стал жертвой, чуть не лишившись глаза, когда принялся отключать свою расшалившуюся игрушку. После нескольких неудачных попыток ему это удалось. Народ надолго запомнил эти празднества и каждый раз, вспоминая антихриста, осенял себя крестом.

А время шло, и тайный договор с королём Польши Августом, наконец, вернулся в Москву с его подписью. Это был сигнал к тому, что русская армия может выступать к шведской границе, добывать Нарву, бывший древнерусский Ругодив. С огромными обозами первые конные и пешие полки, преодолевая бездорожье, в конце сентября 1700 года подошли к стенам крепости. К середине октября армия полностью подтянулась к Нарве.

«Бомбардир» Пётр, ещё находясь в пути, получил известие о том, что шведский король Карл XII успел уже вывести из строя союзника России Данию.

– Этот восемнадцатилетний гадёныш успел уже нагадить, высадился под Копенгагеном, вынудил датского короля капитулировать, – возмущался Пётр, не ожидавший такого неожиданного манёвра противника.

Чуть позже, во время осадных работ в русском лагере, весть пришла ещё хуже прежней: «Шведский король, не мешкая под Копенгагеном, посадил своё войско на корабли, пересёк Балтийское море, высадился в Ревеле и Пярну». В том, что король спешил на помощь осаждённому гарнизону Нарвы, у Петра не было сомнения.

– Направишься навстречу Карлу. Даю тебе разведывательный отряд нерегулярной конницы, пять тысяч человек. Быстро выступай, Борис Петрович!

Пётр оторвался от изучения разложенных перед ним карт, глянул на князя Шереметьева.

– Пора начинать дела ратные, промедление против нас беды всяческие учиняет.

Поход был объявлен. Три дня Шереметьев двигался на запад, углубившись на вражескую территорию на целых сто двадцать вёрст. Шведы, наткнувшись на русский авангард, бросились в атаку. Произошла стычка. Нанеся русским урон, шведы уже праздновали победу. Рано радовались. Подоспевшие в это время главные силы Шереметьева, окружили неприятеля и разбили его.

Шереметьев разместил свой штаб в небольшой избе, оказавшейся поблизости и одиноко стоящей на краю болотистого равнинного пространства, с маленькими окошками и низким потолком. К нему привели взятых в плен при сражении шведских офицеров. Бледные вымазанные грязью лица, всклокоченные волосы, порванная одежда, связанные за спиной руки – все они имели довольно жалкий вид.

– Пусть сказуют, какая армия, сколько человек двигается к Нарве, – обратился Шереметьев к толмачу. – Скажи им, что жизнь я гарантирую, если правду говорить будут.

Пленных было трое. Выслушав толмача, заговорили все разом, перебивая друг друга, иногда, договариваясь между собой, с чем-то не соглашаясь.

– Что они там лапочат? – спросил нетерпеливо с раздражением Борис Петрович у толмача.

– Называют разное количество, но, в конце концов, остановились на тридцати тысячах человек.

– Ладно, можете увести пленных, накормите их, – распорядился Шереметьев

Сел за стол и задумался. Затем, придвинувшись ближе к свече, взяв лист бумаги, стал писать Петру донос: «В такое время без изб людям быть невозможно, и больных зело много, и ротмистры многие больны», приостановился, снял пальцами нагар от закоптившей свечи и продолжил:

«Тут стоять никакими мерами нельзя для того: вода колодезная безмерно худа, люди от неё болят, поселения никакого нет – всё пожжено, дров нет, кормов конских нет».

Так пытался объяснить Борис Петрович своё решение отступить и отвести войска. Получив это послание, Пётр пришёл в бешенство.

– «Повелеваю тебе вернуться на прежнее место, иначе буду считать тебя предателем и трусом. Бомбардир Пётр».

– «Я оттуда отступил не для боязни, для лучшей целости и для промыслу над неприятелем: с сего места мне свободно над ними искать промыслу и себя остеречь», – объяснял Борис Петрович Петру свои действия в ответном послании, но ослушаться царя не посмел, вернулся на прежние позиции.

В это время подоспела весть, что этот юный выскочка шведский король, в котором уже проявились незаурядные полководческие способности, двинулся из Ревеля на восток. Такая весть огорчила всех.

Как назло, две недели ежедневно лили дожди. Шатры протекали, от сырости некуда было деваться. Солдатские землянки все стояли в воде, от ночной стужи сводило мышцы. С моря тянули беспросветные туманы. Весь лагерь стоял по пояс в болоте. Каждую ночь десятки телег увозили мёртвых подальше от лагеря в поле. Люди умирали от поносов и горячки. Обозы с тыла подходили медленно. Лошадёнки худые, корма потравлены, цвелый хлеб, тухлая солонина – такое было положение войска. Размытые и разбитые дороги затрудняли подвоз. Костры дымили у палаток, дым от сырых дров разъедал глаза, они слезились, но всё равно люди жались к огню, стараясь согреться и подсушить ветхую одежонку. Здесь же у огня латали, спускаясь по скользкому берегу к речке, её стирали в ледяной воде, развесив на палках, сушили возле огня. Обозы с боеприпасами и орудиями застревали на дорогах, медленно подтягивались к месту назначения, порох прибывал уже отсыревший.

А утром семнадцатого ноября в лагере началась настоящая паника. Сторожевые посты доложили, что шведские разъезды за ночь, пройдя берегом моря, вошли в тыл и движутся по ревельской дороге. Военный лагерь стал напоминать потревоженный муравейник. В страхе оказаться отрезанными от главного войска, люди засуетились, не слушая команду, хватали лошадей, свои скудные пожитки и стали уходить.

Вскочив на коня, Борис Петрович пытался остановить в панике мечущуюся людскую массу.

– Назад! Не позволю! Слушай мою команду! – кричал он, срывая голос.

Кричал, ругался, хватал за поводья убегающих, бил нагайкой по лошадям. В злобе от своего бессилия награждал ударами людей, пытаясь собрать расстроенные сотни, – всё было напрасно. Страх сковал этих мчащихся в панике людей. Задние ряды напирали на передние, создавая ещё более сумятицу. Конь Шереметьева вертелся, приседая на задние ноги. Но вот лавина отступающих людей подхватила и понесла его с собой. До рассвета ему всё же удалось собрать несколько сотен людей, чтобы спасти часть воинского обоза.

Шведы появились с восходом солнца. Его первые лучи отражались в их железных кирасах и в ребристых касках. Полки Шереметьева, торопясь, уходили вскачь. Шведы не преследовали их. К ночи Шереметьев был уже под Нарвой.

За день до этого трагического события для русской армии, в шатре у герцога фон Круи в лагере, стоящем под Нарвой, собрались генералы. Там подавали в изобилии рейнские и французские вина, изысканные кушанья, добытые в Ревеле. Было заказано много свечей. Герцог был в ударе в этот вечер. Долго и вдохновенно говорил о своих подвигах, хвастливо украшая события. Размахивая длинными костлявыми руками, вдохновенно рассказывал о знаменитых сражениях, в которых он, конечно же, принимал участие. С азартом говорил, как отдавал приказы: «прорвать каре!», «опрокинуть фланги!». И конечно же, он сжигал города, брал крепости, топил в реке целые полки.

Генералы молча слушали, жуя страсбургские паштеты, кто-то верил этим байкам, кто-то скептически посматривал на герцога, скрывая усмешку. Находился среди прочих и «бомбардир» Пётр.

– Нарва – это ерунда! Один день хорошей бомбардировки, короткий штурм и нет Нарвы. Ключи от Нарвы на блюде принесут нам, государь, убеждённо говорил Круи. – Развернём на флагах конницу и встретим Карла. Слово офицера!

Пётр нервно расхаживал по шатру, почти касаясь головой полотнища верха, задумчиво посматривая на герцога и прислушиваясь к его болтовне. Меншиков сидел чуть поодаль с полным кубком в руках, и с усмешкой слушал хвастливого герцога. Пётр, остановившись напротив стола, заговорил:

– У нас нет пока ни одной доброй пушки на редутах. Пороховой обоз по сю пору где-то в пути. Что вы думаете о сём, господа генералы? – он рассеяно посмотрел на сидящих за столом офицеров.

Этот взгляд его появился недавно. Но Меншиков эти изменения в своём благодетеле заметил ещё до начала похода. А Пётр продолжал:

– Не лагерь – цыганский табор. Баб полный обоз, беспорядок, работают лениво, солдаты шатаются по обозам, хлеб гнилой и зелёный, солонины на два дня. Где солонина? В Новгороде? Почему не здесь? Землянки для солдат в воде. Два года готовились. Ничего не готово... Два месяца идём от Москвы, дойти не можем. Вам известно, что Карл принудил датского Христиана к позорному миру, тот уплатил двести пятьдесят тысяч золотых контрибуции! Карл движется сюда. Как встречать-то будем? – Пётр опять нервно забегал по шатру, едва не касаясь

головой потолка шатра. – Пушки добрые нужны. Наши рвутся. Разрывает их. Порох сухой надобен. Солонины для еды.

Собрание затянулось, расходились поздно. Генералы были мрачны, хмельны и не глядели в очи друг другу.

Придя к себе в рыбацкую избу, Пётр завалился на кровать неведомо откуда принесённую для него сюда.

– Генералы. Разве это генералы? Болтуны! Менять пора на молодых.

– Мин херц, дай ты мне войско, хоть на три дня, проникаясь сочувствием к Петру, предложил Александр.

Пётр ничего не ответил. Полез за табаком, заправил трубку и тогда проговорил, смотря на сидящего за столом Меншикова, шумно потягивающего из чаши горячий чай:

– С завтрашнего дня самым главным здесь будет герцог фон Круи, он хоть и глуп, но по-европейски вести дела будет. А ты собирайся, поедем...

– Куда поедем-то, мин херц? – в удивлении спросил Александр, ставя на стол чашу, вопросительно глядя на Петра.

Пётр помолчал, сопя трубкой, помедлив, ответил:

– По свету поедем.

– Это как?

От изумления деревянная ложка, которой Меньшиков черпал мёд из небольшого бочонка на столе, выпала из рук фаворита. Пётр поднялся, положил на край стола свою трубку, вплотную придвинулся к Александру и зашептал, с опаской поглядывая на занавешенный вход в избу.

– Послание тайное получил от Августа. Сидит в Варшаве. Просит денег, просит солдат, просит о встрече тайной. Совет предлагает учинить под Двиной рекой ниже Полоцка в городке Друя. Оттуда в Новгород отправимся. Войне только начало. Ратные дела с тыла начинать надобно, с обозов. Новгород укреплять поедем. Нам есть, что терять! Этому шведскому сопляку терять нечего. Собирайся! Завтра тайно проберёмся в Друю.

Генералам объявим о Новгороде, отъедем, обрядимся в простолюдинские кафтаны и неприметно доберёмся до Друи. Так вот, Алексашка, готовься к маскараду. Спать ложимся, поздно уж. Утром пригласи ко мне генералов.

Чуть забрезжил рассвет. Пётр сидел за столом, заваленном бумагами в перемешку с крошками табака. Рукой отгрёб в сторону бумаги, поставил ближе к себе подсвечник со свечой, зажжённой Меншиковым, склонясь над столом, шевеля губами, начал писать. Когда кончил, в тесную избу уже начали собираться генералы. Запорошенные снегом, с красными лицами от ветра, они, стоя, с тревогой посматривали на царя, понимая, что происходит что-то неординарное. Пётр, перечитав про себя написанное, встал. Не поднимая глаз на собравшихся офицеров, начал читать: «Его царское величество ради нужнейших дел отъезжает от войска, того ради

вручаем мы войско его княжеской пресветлости герцогу фон Круи», – Пётр глянул искоса на герцога, заметил, как у того от неожиданного сообщения, нервно задёргались мышцы на тощем лице. Читая далее своё наставление, Пётр продолжал искоса посматривать на своих помрачневших, опустивших голову и не смевших смотреть друг другу в глаза офицеров. За дверью послышалась возня, шум, голоса. В дверь прорвался молоденький поручик.

– Ну? В чём дело? – спросил хмуро с раздражением Пётр.

– Павел Ягужинский! При Шереметьеве, — доложил Меншиков.

– Я от Нарвы. Где размещать полк? – Борис Петрович послал спросить.

Пётр, насупясь, молчал. Все испугано смотрели на государя.

– Эх вы! офицеры, дворяне! Шапки побросали! Бежали без чести! – Меншиков с досады сплюнул.

А уже через несколько минут Пётр и Меншиков уже мчались в небольшом возку в сторону городка Друя, по дороге переодевшись в простые деревенские кожухи, нахлобучив на головы неказистые шапки из овчины.

Конные полки Шереметьева стояли припёртые к реке с одной стороны, с другой – шумел лес, а за спиной находилась крепость. Борис Петрович на своём вороном коне стоял на холме посреди своего войска. Подзорную трубу вынимать было бесполезно. Снег валил хлопьями, налепая на одежде, попадая в глаза. Завывала метель. В двух шагах ничего не было видно. Шереметьев прислушался, привстав на стремена, силясь понять, что происходит. Справа и слева слышались мушкетные выстрелы, периодически громыхали пушки. Окоченевший, в кольчуге поверх кафтана, он начал спускаться с холма, обдумывая принесённое давеча послание от царя: «Приказал я ведать над войски и над вами арцуху фон Крою, изволь сие ведать и по тому чинить, как написано в статьях у него, за моею рукою, и сему поверь».

Какое-то нехорошее тоскливое чувство защекотало внутри, но мысль продолжить не удалось. Сквозь белую пелену послышались крики, дикое гиканье. Хотел дать команду: «Вперёд, сабли наголо!», – но вдруг приметил пятящиеся зады лошадей.

– Шведы! Шведы! Пропали! Уходите к реке! – послышались голоса.

В метели закрутились человеческие лица, конские морды. Сотни и сотни всадников, напирая друг на друга, бросились к речному водовороту, плыли, борясь с течением, тонули. Слёзы, гнев, стыд – всё смешалось. Шереметьев повернул коня к реке, тот боязливо осторожно вошёл в воду, поплыл и вынес своего хозяина на другой берег.

– Немцы нам изменили! – То тут, то там слышал он крики от бегущих в панике людей.

– Боже, спаси и защити меня и наши русские души! – молил про себя Борис Петрович.

Полки Петра в соответствии с понятиями осадных работ расположились у стен Нарвы полукольцом общей протяжённостью семь вёрст. Это облегчило прорыв шведам этой тонкой линии русской армии. Собранные в единый кулак, шведы быстро справились с этой задачей.

Когда более тысячи конницы, борясь с водами, пошло на дно реки, пехота бросилась наутёк через единственный мост. Началась давка. Мост рухнул, и Нарва-река приняла множество новых жертв.

Только Преображенский, Семёновский и Лефортов полки – не дрогнули, не поддались панике и не бежали, проявили стойкость, умело оборонялись от наседавших шведов. В пенистой серой волне, в снежной пене, под дикие крики тонущих в ледяной воде людей, плыли трупы лошадей и людей Шереметьева, потонувших несколько выше по течению. Трупы прибивались к рухнувшему мосту, цеплялись за берега. Разрушенный мост течением прибило к болотистому берегу, на котором стоял шатёр герцога фон Круи в тылу Преображенского и Семёновского полков.

Третий час продолжался этот отчаянный неравный бой. Круи метался возле своего шатра, весь осыпанный снегом, ослеплённый метелью, не зная, как распоряжаться и командовать в этом снежном аду. Вскочил в шатёр, весь облепленный снегом, в шубе поверх лат. Его тощая фигура сотрясалась от злобы, губы кривились:

– Русиш швайн! Стадо! Это не армия! Пусть чёрт с ними воюет! Царь знал, что мне подсунул! Сброд, сволочи!

– Центр прорван! – кричали люди за палаткой, беснуясь и вопя.

Круи движением плеча сбросил шубу, выглянул из шатра, посмотрел вниз на беснующихся и бегущих к шатру людей.

– Чёрт! На коней, господа! – крикнул он находившимся в шатре немецким офицерам.

Вскочили на коней, спустились к воде и по топкому берегу тяжело поскакали навстречу шведам сдаваться в плен, чтобы спасти свои жизни от шведских пуль и от ярости своих солдат.

А в это время восемьдесят командиров собрались возле землянки. Здесь были офицеры всех рангов: генералы, полковники, майоры, капитаны, поручики и конные, и пешие.

– Пороховые обозы у шведов, мосты разломаны, укрепления прорваны, главнокомандующий бежал. Государя нет. Покуда шведы не видят нашего положения, надо идти на переговоры. Иди, Иван Иванович батюшка ты наш, – все посмотрели на Бутурлина. – Объясни ты Карлу, не хотим христианскую кровь проливать, разойтись надо: им к себе, а нам к себе. Да оберегайся своих, давеча послали парламентёров князя Козловского и майора Пила – убиты солдатами нашими...

– А пушки? Орудия? Отдать?

Все промолчали, опустив головы.

– Иди, голубчик-батюшка, иди. Торгуйся с Карлом-то. Иди уж, как Бог даст. Взяв трубача, надвинув на голову шапку, Иван Иванович отправился к Карлу с белым платком в руке.

Карл терпеливо дождался парламентёров. Он также боялся наступления завтрашнего утра. Погода складывалась явно нератная. Со злорадной усмешкой на лице он, выслушал русского парламентёра, произнёс:

– Согласен. Пропустить русское войско на ту сторону реки с оружием. Пусть войска идут домой... Пушки, обозы, пусть оставят. В залог оставлю у себя всех русских генералов и офицеров, им тут сытнее и спокойней будет от солдатской ярости, – с насмешкой в голосе произнёс Карл, скалясь в улыбке.

Пришлось Иван Ивановичу согласиться на все условия.
Карл отдал распоряжение:

– Послать взвод кирасир и привести заложников! Сапёрам запалить костры и до утра наладить мосты! Пусть русские домой уходят.

Тревожная и мучительная выдалась ночь для русского воинства. На рассвете русские полки стали покидать эти злополучные места. Первыми покинули лагерь семёновцы и преображенцы со знаменем и ружьями под барабанный бой. На плечах своих несли раненых товарищей. Когда же стали проходить другие дивизии, шведы потребовали сдать оружие. Солдаты угрюмые, голодные и злые, ругаясь, стали бросать мушкеты. А последние полки шведы проводили выстрелами. Сорокапятитысячная русская армия без командиров, разутая, полураздетая, голодная, без строя двинулась домой, став посмешищем всей Европы. Царь восточных варваров, дерзнувший напугать прибалтийские народы, противопоставлялся герою Карлу, отбросившему варваров в дикую Московию.

Глава 3

Почти всю дорогу ехали молча. Пётр был мрачен, уйдя в свои мысли. Меншиков, хорошо изучив характер своего покровителя, не мешал. Ему самому было тошно от этого поспешного бегства с военного лагеря, ведь там остались его боевые товарищи.

– В глаза им смотреть стыдно было, да и они смотрели в сторону. Вслух не решились сказать, но думали все одинаково. Мы и есть крысы, бегущие с корабля перед кораблекрушением, – загораясь от стыда, думал он.

Искоса посмотрел на Петра. Тот сидел мрачный, надвинув на брови шапку, закутавшись в овчину, напряжённо углубившись в свои мысли.

– Думаешь, конфуз нас ждёт в этой компании? На викторию нет надежд? – спросил Меншиков осторожно.

– Какая виктория? С блохастой голодной армией? Викторию ковать с обозов надобно. Шведская армия – самая сильная в Европе. А нашу армию ты сам знаешь. Её сделать надобно. Теперь Карлус попрёт или на восток на Новгород, или на запад на Варшаву. Данию из нашего союза вывел. Видимо прослышал что-то о нашем тайном сговоре. Теперь нас с Августом будет по отдельности добивать. Нам надобно ехать Новгород укреплять, чтобы хоть там конфуза не было. Август, тот под Ригой сидит. Теперь в Варшаву заторопился, оборонять столицу.

– А что от нас-то ему надобно?

То же, что и нам от него. Договориться о тактике и стратегии наших дальнейших действий. Мы с ним сейчас в одинаковом положении – зависим от выбора Карлуса. Или он нас преследовать будет до самого Новгорода, прихватив Печёру, Псков, или двинет войска в Европу, начав с Варшавы.

Пётр гневно блеснул глазами, усы его задёргались.

– Ну, погоди, щенок! Я тебе ещё покажу. Он за этот конфуз ещё поплатится. Пётр погрозил кулаком.

– Ничего, Алексашка, мы переживём этот позор. Нарва – нам наука. Отобьём свои земли, не сомневайся!

– Думаешь, мин херц, теперь с Нарвой уже всё?

– Эх!

Пётр безнадёжно махнул рукой и отвернулся к окну возка.

Сумерки сгущались. За окном за деревьями и перелесками стали мелькать

контуры изб хуторов. Затем избы замелькали сплошными рядами, запахло дымом и жильём.

– Кажись, приехали в Друю, мин херц, – шевеля затёкшими ногами, произнёс Меншиков. – Слава богу! Уж зябнуть стал. Чашу медовухи пропустил бы, да и пожевать чего. На заезжий двор, мин херц?

– Да, на заезжий для сугрева, а там разберёмся.

Возок остановился возле бревенчатой большой избы. Александр, открыв дверь возка, высунулся и поинтересовался, обращаясь к вознице:

– Ну что, приехали? Это Друя?

– Она самая, – отозвался тот, спрыгивая на утоптанный уже снег.

Вышли из возка, разминая затёкшие ноги. Направились к крыльцу, освещённому висевшим над ним фонарём, который слегка поскрипывал от порывов ветра. Извозчик принялся распрягать лошадей. На крыльце появился хозяин корчмы в стёганой безрукавке и в бесформенной овчиной шапке. Приглашая жестом войти и распахивая дверь, он прокричал с крыльца:

– Заходьте, коли ласка! Милости прошу.

Клубы пара вырвались из двери, растворяясь в морозном воздухе. Зашли в полутёмные сени, плотно прикрывая за собой входную дверь. Хозяин, опередив их, широко распахнул перед ними следующую дверь ведущую в помещение. Перешагнули высокий порог. В лицо пахнуло теплом, запахом жареного сала и квашеной капусты. Изба была просторная, вдоль стен висели подсвечники со свечами. Посредине помещения – столы с широкими скамьями. Опустились на скамью ближе к большой печи, на которой что-то шипело и дымилось, распространяя притягательный аромат. Народу почти не было. В углу избы за столом сидели два мужика в польских кафтанах и о чём-то тихо беседовали.

– Что потребно, господари? – спросил, подходя, хозяин, приветливо улыбаясь.

– Поесть бы чего, да выпить, что погорячей для сугреву, – попросил Александр.

– Бараньи рёбра с капустой, яичница со шкварками. Медовая водка и пиво есть, – начал перечислять хозяин, рассматривая вновь прибывших посетителей.

– Тащи, отец, всё, что есть. Давай водки, пива не надо. Продрогли мы в пути, – попросил Пётр, снимая шапку и расстёгивая кожух.

– Что, отец, самому приходится крутиться, помощников нет? – полюбопытствовал Меншиков, – Да и народа, я смотрю, у тебя маловато, дела плохо идут?

– Баб своих отпустил на ночлег, поздно ужо поди, замаялись голубы. Гостей сегодня под вечер с Риги понаехало, вот бабы мои и накрутились. Панове отдыхать пойти изволили, больше гостей не ждал, вот и отпустил баб. А тут вас Бог прислал на ночь глядя, в погоду такую, – говорил он, суетясь возле печи, накладывая дымящуюся ароматную капусту с мясом в мисы, и ставя перед ними.

– А что за люди с Риги-то?

– А кто ж их знает. Паны ясновельможные в Польшу направляются. Самый главный среди них – великан, силач, монету пальцами гнёт, хвастался тут перед другими. Такой же рослый, как и ты, господин, – он кивнул на Петра.

Пётр с Меньшиковым переглянулись. Хозяин принёс и поставил на стол шипящую сковороду с яичницей со светлыми кусками жареного сала в ней. Расставил чаши и кувшин с медовухой.

– Кутили паны, куролесили, спать пошли, в дальних покоях отдыхают, а слуги их никак не угомонятся, – тихо произнёс хозяин, кивая на сидящих в дальнем углу мужчин. – Но эти тихие, Бог с ними, пусть сидят.

– А нам место найдётся для ночлега, отец? – поинтересовался Меншиков, обгрызая в голодном азарте бараньи рёбра и бросая их в стоящий рядом глиняный горшок.

– Рад бы, господа, услужить вам, да паны, словно селёдки в бочке, все покои заняли. Я вижу вы – московиты, значит – православные. Я пристрою вас на ночлег в монастырь, тут недалеко. Там всегда останавливаются люди православные. Монастырь Благовещенья наш – православный. Он небольшой, в нём три монаха обитает, но при монастыре девятнадцать дворов. Кое – как выживают. А православные люди завсегда там останавливаются. В это время у нас в Друе мало заезжих бывает. А по весне – судоходство, купцы разные, торговый люд, мастеровые. Друя оживает. Торговля бойкая идёт. Православные люди из Московии, да купцы и поддерживают этот монастырь. Деньги на ремонт дают, там и гостюют при монастыре, когда проездом бывают. Разбужу мальчонку, он вас туда на ночь мигом доставит, – говорил хозяин, устало, опускаясь на скамью возле печи недалеко от них.

– В этом году пояса туже придётся подтянуть, до нового урожая бы дожить. Многим в Друе весной голодно будет. Война добро не несёт. Армия Петра через Друю на Курляндию прошла. Мясо, хлеб, лошадей пришлось друйским властям предоставить для вояк, да ещё мародёрство... Э, да, что говорить, война она есть война, одни убытки, – он с досады махнул рукой. – Поначалу хворых солдатиков игумен Иосаф при монастыре выхаживал. Оклемались братки, заспешили своих догонять, авось, не за смертью своей поспешали. На войне смерть у всех за спиной ходит, не разбирается, кто ты есть такой, – хозяин, наклоняясь, подбросил поленьев в печь. Ярко вспыхнуло пламя, от открытой дверки печи потянуло жаром. Согревшиеся после мороза тела приятно размягчались, потянуло на сон.

– Отец, так ты бы определил нас на ночлег, спать хочется, – произнёс Алексей, зевая, прикрывая рот рукой, – вон и бомбардир Пётр уже тоже дремлет, – он, усмехаясь, кивнул на Петра.

– Да, разморило от водки и тепла, от сытной пищи, – согласился Пётр, поднимаясь и разминая ноги, стряхивая дремоту.

– Веди, отец, куда надумал, нам отдыхать пора.

– Да, разбужу мальчонку. Он вас доставит, тут недалеко: через мост, через площадь, на улицу Новую, а там уже монастырские дворы тянутся, – засуетился хозяин, поднимаясь со скамьи и скрываясь за небольшой дверью.

Через несколько минут перед ними предстал мальчонка лет семи в тёплом кожушке в надвинутой на затылок шапке. Он таращил на Петра свои заспанные глазёнки. Удивлённо спросил:

– Дядя, ты чего такой большой? Ты не великан?

– Нет не великан, я просто много каши ел, – ответил, смеясь, Пётр.

– Ну, веди уж быстрей, дядьки спать хотят, умник! – засмеялся и хозяин, легонько шлёпнув по затылку малыша.

Вышли на крыльцо, запахивая шубейки и жмурясь от колючего ветра, зашли за ворота на улочку, где сплошными рядами гнездились избы горожан.

– Эта улица Браславская, – авторитетно заявил мальчонка, желая показать свою осведомлённость.

– Она, что на Браслов идёт? – спросил Меншиков, от нечего делать, чтобы поддержать разговор.

– Не знаю. Улица идёт к мосту, мост уже рядом.

– Как в такой тьме видеть-то можешь? – поинтересовался Пётр, шагая вслед за малышом в полной темноте, ногами чувствуя утоптанную дорогу.

– Я привык и с закрытыми глазами дорогу найду, это не трудно.

– А звать-то тебя как?

– Самуил. А вот и мост! Идите за мной, здесь сбоку доски крепкие, а посередине есть щели, нога может застрять.

Ветер рвал одежду и шапки, острый колючий снег больно хлестал по лицу.

– Здесь на мосту завсегда так, – пояснял Самуил, придерживая рукой шапчонку. – Внизу речка Друйка, сейчас она во льду, а весной поднимается до моста, затапливает избы. Ну, вот здесь тише, сейчас на площадь выйдем, а за площадью та самая улица Новая, где монастырь находится. В темноте завиднелись контуры домов.

– А за домами, там речка протекает – Двина, по ней летом много людей приплывает, лодки всякие, корабли, – объяснял Самуил, прикрывая лицо от колючего ветра рукавицей.

– Вот и пришли. Здесь батюшка Иосаф проживает.

Прошли сквозь ворота. Вступили на дощатое крыльцо, гулко издававшее звуки шагов под ногами. Самуил, повернувшись спиной к деревянной двери, стал колотить пяткой по ней, поясняя:

– Батюшка Иосаф спит вельми крепко и глуховат немного.

За дверями после настойчивого стука в дверь всех троих, наконец, кто-то зашевелился.

– Вот и разбудили, – торжественно произнёс Самуил.

Что-то щёлкнуло и дверь отворилась.

– Кто такие? Что надобно? – послышался в темноте заспанный голос.

– Батюшка Иосаф, батька людей прислал на ночлег, у нас полно понаехало, – объяснил малыш. Ну, я пошёл?

– Не боишься по ночам один ходить? – поинтересовался Пётр.

– Нет. Чего бояться-то, я привык.

Мальчик исчез в темноте, как растворился.

– Проходите и подождите меня здесь, оденусь, а то в исподних выскочил. Отведу вас на ночлег.

Игумен Иосаф скрылся за маленькой дверью. Небольшое помещение освещалось только крохотной лампадкой, тлеющей под образами. Завидев образа, оба пришедших осенили себя крестом по привычке, присели на скамью, держа в руках шапки. Вскоре дверь скрипнула, и в ней возник отец Иосаф, в накинутом на рясу кожухе. Запалив лампу-фонарь, он, взяв её в руки, промолвил:

– Пойдём, православные, я отведу вас. Сегодня там изба пустая. Анна ночует у бабки Алдоны, занемогла та. Я попросил Анну присмотреть за страждущей.

Неся фонарь, идя впереди своих спутников, он продолжил:

– В избе тепло, велел Акиму печь истопить. Как чувствовал, что надобно будет. Анна вернётся только утром, у ней вы и переночуете. А господа надолго?

– На пару дней, отче.

– Ну - ну. Переночуйте у Анны, а завтра, Бог даст, что-нибудь придумаем. Сквозь тучи иногда пробивался лунный свет. Идя следом за игуменом, путники заметили, что подошли к небольшой избёнке, вошли внутрь.

– Здесь и располагайтесь.

Иосаф подошёл к окну, запалил свечу в глиняном подсвечнике, стоявшем на подоконнике.

– Тут вы всё найдёте и укрыться и поесть чего, если голодны. Аннушка у нас хозяйственная. Сиротка она. Семь лет назад её бездыханную принесли в обитель купцы православные, мимо Друи проплывали. Аннушка совсем ещё ребёнком была. Еле выходил её сердешную. А теперь ей уже восемнадцатый годок пошёл. Купцы сказывали, из воды её вытянули со дна, а мать не спасли, утопла. Чёлн ихний на дно пошёл ниже Полоцка. Купцы уверяли, что кровей-то она благородных, если по одежде судить, что на ней тоды была, да и крест нательный золотой православный имела. Слаба была. Думал, помрёт. Ничего, Бог дал, теперь справная девица

стала. При монастыре трудится: за больными ходит, прибирается, стирает, шьёт и вышивает для монастыря. – Ну, отдыхайте. Пошёл я. Избёнка невелика, но для ночлега сгодится. Тут три года назад чеботарь ютился, спился, помер. Я сюда Аннушку пристроил. Деве взрослой надобен свой угол.

Наконец остались одни.

– Ну и разговорчив сей игумен, думал конца не будет, – говорил Меншиков, устраиваясь на широкой скамье возле печи и накрываясь овчиной.

– Ты, Алексашка, по утру вернись в ту корчму, чую, там Август остановился, выведай и приведи его тайно сюда в монастырь. Никто не должен ведать о нашей встрече, лучшего места, чем монастырь, не сыщешь для подобных дел.

– Ладно, мин херц, исполню. Как там тебе на печи? Небось, тепло?

– Тепло-то, тепло, да ноги не помещаются, подгибать приходится.

– Да уж, вымахал ты, не приведи господи, что есть, то есть, – засмеялся Алексей, удобнее устраиваясь на скамье. – Хочешь, уступлю на лавке?

– Нет, сплю ужо.

Утром Пётр проснулся, спустил ноги с печи, почти упираясь головой в потолок, огляделся. Лавка подле печи была пуста, Меншикова уже не было. Не было видно и его зипуна.

– Видать уже за Августом пошлёпал, – подумал Пётр, чеша затылок. – В баньке бы попариться. Запаршивел, видать, весь в походе-то.

Хотел спрыгнуть с печи вниз, но дверь вдруг отворилась и вошла девушка, на ходу развязывая и снимая клетчатый платок, сдёрнув его с головы, удивлённо уставилась на сидящего на печи и чуть пригнувшего голову Петра.

– Ты кто? – спросила она, удивлённо и внимательно рассматривая его.

– Я — Пётр-бомбардир, – ответил Пётр, улыбаясь, и с восхищением глядя на это юное прелестное создание.

Три слюдяных оконца бросали в избу достаточно света, чтобы разглядеть в этой молодой девушке красавицу: статную, белолицую, чернобровую, с пучком чёрных и густых волос на затылке и эти глаза… Они впивались в самое сердце: чёрные, блестящие и озорные.

Она прыснула от смеха, зажав рот ладонью.

– Я знаю, ты Анна, чего смеёшься? Я что, лохматый? – спросил он, спрыгнув с печи и приглаживая волосы.

– Бомбардир, ты, что с войны сбежал? Трус что ли? Другие-то воюют, – она весело рассмеялась, обдав его озорным взглядом любопытных глаз.

– Угадала, сбежал, но не трус я, а умный, – ответил он, слегка помрачнев.
Анна опять засмеялась и спросила:

– Как попал-то в мои хоромы, Пётр-бомбардир?

– Так отец Иосаф на ночлег пристроил меня и моего товарища.

– И долго вы гостевать у меня намереваетесь?

– Да уж, как принимать будешь, – отозвался Пётр, игриво подступая к ней.

Она, выставив вперёд руку и гневно блеснув на него глазами, произнесла:

– Не подходи, бомбардир! Твои бомбы остались подле пушек, а мои здесь под рукой, – Анна кивнула на лежащие возле печи поленья.

Пётр отступил, засмеялся. Ему всё больше нравилась эта девушка.

– Не трону, не обижу. Ты мне нравишься.

– Не тебе одному, – она недоверчиво посматривала на него.

– Чего косишься? Сказал, не обижу. Ты бы лучше поесть что собрала. Товарищ мой скоро явится, а может ещё одного приведёт. Баньку бы сообразила, жуть, как попариться охота. Баня-то есть?

– Ладно, – она недоверчиво улыбнулась, – если что, бомбы у меня под рукой, я предупредила. Это твои бомбы по полю разбросаны, мои тут. А баня есть, сделаем. Скажу дьяку Ефрему, он растопит.
Она подошла к печи, потом обернулась к Петру и озорно спросила:

– Пётр-бомбардир, щепу налущить сможешь? Или только бомбы метать?

– Я могу всё!
– Так уж и всё? Вот и покажи, что умеешь.

Пётр взялся за топор, с удовольствием посматривая на девушку.

За время похода он так истосковался по женскому голосу, очаровательной улыбке, нежным рукам, по женской ласке.

– Твою историю я знаю, мне отец Иосаф уже поведал.

Анна вспыхнула.

– Что? Бедная сиротка? Так что ли? – она гордо тряхнула головой.
– В тебе, видать, правда, порода заложена. Кто родители были, помнишь?

– Нет. Помню только, что был большой дом, в городе жили, матерь помню немного. Недавно обнаружила, что немецкую речь понимаю почему-то, был тут немец проездом, – говорила Анна, хлопоча возле печи.

– А ты, бомбардир, верно умелый, ловко топором владеешь, – смеясь, заметила она. – Может и не лукавишь, в самом деле, всё умеешь.

Она взяла наструганные Петром щепы, намереваясь растопить печь.

– Зачем мне лукавить? Я и печь растопить могу, – отозвался Пётр, забирая из её рук щепы, отстраняя и принимаясь за топку.

Сидя на корточках возле печи, и легонько раздувая вяло разгорающиеся поленья дров, улыбаясь, повернулся к Анне, которая с явным интересом поглядывала на него.

– А уж, как любить-то я умею... Можешь проверить, если захочешь. Ты как, девка? Или баба ужо?

Щёки у Анны порозовели.

– Что любопытный-то такой, Пётр-бомбардир? – Бабой стать я ещё успею, – смеялась Анна, – похожу ещё в девицах, не тяжко, – шутила она.

За дверями послышались голоса и топот стряхивающих снег ног. В клубах пара в дверях предстал улыбающийся Меншиков, а за его спиной

возвышался могучий Август с широкой улыбкой в простом польском кафтане.

– Принимайте гостей, люди добрые! – воскликнул Алексей, видя рядом с Петром Анну. – Я догадываюсь, это та самая Анна, – говорил он, улыбаясь, и ставя на стол жбан с вином, хлеб и большой кусок запечённого мяса. – В корчме прихватил, завтракать будем, – объявил он.

Пётр и Август, обнимаясь, похлопывали друг друга по плечу, эти два гиганта искренне радовались встрече, на лицах играла довольная улыбка. Заговорили по-немецки. Анна с удивлением глянула на Петра. Пётр, перехватив её взгляд, подмигнул ей с весёлой улыбкой.

– Рад тебя видеть. Любезен ты мне, брат. Вижу в тебе родную душу. Схожи мы с тобой, Август, и ростом, и силой, и мыслями, – говорил Пётр, выражая искреннюю радость от встречи с польским королём. – Это хозяйка этих хором Анна. А это мои товарищи пан Август и Алексашка. Хозяйка, неси чаши, вино за встречу пить будем!

На столе появились чаши, Пётр наполнил их вином. Меншиков нарезал хлеб и мясо ломтями. Подняли чаши, выпили за встречу.

– Неплохое вино, – похвалил Август по-немецки, ставя на стол чашу и берясь за отварную телятину.

Вскоре Анна принесла и поставила на стол дымящийся кулеш, отварные яйца и испечённую рыбу.

– Присядь с нами, Аннушка! – позвал Пётр, наполняя чаши вином. Выпьем, друзья мои, за викторию, пусть не сейчас, но потом, когда силу наберём. Одолеем шведов, я вам обещаю!

Мужчины хмуро осушили чаши. Анна, слегка пригубив свою, с любопытством посматривала на них.

Насытившись, и понимая, что Петру и Августу есть, что сказать друг другу, Меншиков поднялся, тыльной стороной руки вытер жир на губах, игриво объявил:

– Мы с Аннушкой пойдём по Друе прогуляемся. Она мне свой город покажет. Так, красавица? Пойдёшь со мной погулять? Дядькам поговорить надобно. Они давно не виделись. Согласная? – он весело подмигнул Анне.

Анна кивнула, убрала со стола посуду и остатки пищи и стала натягивать на себя полушубок.

– Ты же смотри, не балуй там с Анной, – бросил тихо Пётр вслед Меншикову, чтобы не слышала Анна.

– Не боись, мин херц, я ужо уразумел, что ты глаз наложил на эту кралю, – оскалился Меншиков, наклоняясь к уху Петра. – Не тревожься, я тут с утра себе вдовушку присмотрел. Когда думаешь из Друи выезжать, мин херц?

– Завтра утром. Хочу вечером ещё в баньке попариться. Ты как, присоединишься?

– Да нет уж. Меня к ночи не жди. Я у вдовушки заночую. К утру вернусь. Я тут лишний, – хитро посматривая на Петра, рассмеялся Меншиков.

– Да иди ужо. Понятливый ты наш, – отмахнулся, улыбаясь, Пётр.

– Всем желаю здравия! – произнёс уже с порога Алексей, обернувшись к Августу, сидящему за столом и с улыбкой наблюдающему за компаньонами.

– Будь и ты здрав! – бросил в ответ Август по-польски, махнув рукой.

Аннушку Меншиков догнал уже во дворе. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу. Под её валяной обувкой поскрипывал снег, её чёрные прекрасные глаза искрились, как тот снег на солнце, что лежал высокими сугробами вокруг.

– А ты красивая и весёлая. Я люблю таких. Я и сам весёлый, – заметил он, улыбаясь, с удовольствием поглядывая на неё. – Идём, Друю покажешь. Смотри погода, словно по заказу! Ветра нет, солнце светит, не то, что вчера было. А снега-то намело!

Вышли на улицу и медленно пошли вдоль забора, огораживающего монастырское хозяйство. На противоположной стороне дороги густо теснились небольшие дома с хозяйственными постройками. За монастырским забором спустились к реке по небольшой дороге, которая упиралась в постройку, сложенную из брёвен.

– Это пристань, пока река во льду её закрывают, а с начала сезона это место бойкое. Суда подходят, купцы товар везут, лес в Ригу по Двине спускают, – объясняла Аннушка. – В

той стороне за рекой – Ливония, – Анна показала рукой на противоположный берег реки, где сквозь белую пелену снега темнели кусты и деревья. Пошли отсюда, здесь прохладно, ветер с Двины, – поёжилась Анна.

Поднявшись от берега по набирающей подъём дороге, вновь вышли на улицу, повернув направо, оказались в небольшом переулке.

– Как тебе тут живётся, Анна? Женихов, видать, много вокруг ходит?

– Да, ходят тут всякие, но мне не до них. Я ведь при монастыре обитаю, отец Иосаф держит нас в строгости. У нас девятнадцать дворов при монастыре находится и три монаха при обители. Все мы на монастырь трудимся и семьи во дворах большие, а дела идут тоскливо, еле концы сводим. Давеча жаловался отец Иосаф, что крышу починить не на что. Православные проезжие люди иногда дают пожертвования, но этого видать мало. А это слева склады, амбары пана Сапеги, князя друйского. Свернём сюда, правее. Эта улица Голубиная. Видишь, сколько голубей летает? Анна подняла лицо вверх, ладонью прикрывая глаза от солнца.

Высоко над крышами домов большими стайками летали голуби, отсвечивая белизной крыльев на голубом небе с медленно плывущими нежными облаками.

– На этой улице голубятни в каждом дворе.

– А зачем столько-то? – удивился Алексей.

– Как зачем? Для еды, – в свою очередь удивилась вопросу Анна, – держат и почтовых голубей, но мало. Ты что голубей не ел?

– Ел, конечно.

– Армия царя Петра через Друю прошла, мородёры по дворам ходили, брали разную живность, а голубей не трогали.

Она опять посмотрела вверх.

– Их разве возьмёшь? Они высоко. С голоду не дадут помереть.

– А эта улица у нас самая большая Сапежинская, самая главная, до замка князя Сапеги идёт. Здесь и здание суда, там, в стороне – тюрьма, видишь?

– А это, что за сооружение перед нами?

– Это доминиканские монахи решили построить себе монастырь. Уже три года, как заложили эту деревянную часовню. Говорят, они готовятся выстроить тут большой каменный монастырь. Эта улица справа выходит на базарную площадь с ратушей, там ты уже проходил, когда через мост шёл ночью. Мы пойдём в другую сторону. С этой стороны улица идёт к замку, перед замком – большой парк. За деревьями ты замок всё равно не увидишь. Сказывали, двадцать видов деревьев Сапега завёз для своего парка. Парк большой, красивый, но я там не бывала. Крепкая ограда. Сапега редко наезжает в Друю, там управляющий дела ведает.

Анна оживлённо, подробно знакомила с местными особенностями быта.

Меншиков, прислушиваясь к её местному говорку, поглядывал на неё с интересом.

– Красивая, юная, смышленая. Жаль, что Маша уже не наша, – подумал он, вспоминая взгляды, которые бросал на неё Пётр.

– Смотри, с этой стороны река Друйка, а с этой Двина. Там впереди видишь? Это костёл святой Троицы с монастырём бернардинцев. Костёл построен на деньги пана Сапеги. Там орган есть и деревянные скульптуры. Громадный колокол «Казимир» был ему подарен Польшей и привезён из Кракова из мастерской самого Ганса Багема. А ещё когда-то наши места посещала великая княгиня и королева Польши Алёна, она была дочь московского царя Ивана. Там за замком источник есть, так старики сказывают, что сама Великая княгиня Алёна там личико своё омывала, она, кажется, приходилась родной тёткой вашего самого грозного царя Ивана.

– И откуда ты это всё знаешь? – удивлённо спросил Меншиков.

– От отца Иосафа, он мой наставник. Меня когда-то от смерти спас, он мне вместо отца, никогда не обижал.

– Да, костёл красив, величавая постройка, для такого городка!

Меншиков, остановясь напротив костёла, к которому они подошли, задрав вверх голову, рассматривал крест на верху строения, звонницу.

Потом опустил голову, повернулся к Анне, с прищуром, весело глянув на неё, неожиданно спросил:

– Скажи, а где здесь Марыся Ольшанская проживает? Я в корчме с ней познакомился. В гости приглашала.

– Да это же здесь, недалеко от костёла, по этой улочке второй дом, видишь? – показала Анна рукой на небольшой деревянный домишко. – Её муж погиб ещё два года назад. Был офицер при войске польском, живёт одна с пятилетним сынком.

– Так я зайду к ней, коль она меня в гости приглашала, сказывала, пиво отменное варит, надо бы попробовать, – хитро улыбаясь, произнёс Алексей. –

А ты сразу-то домой не иди, дай там друзьям наговориться, друга моего Петра не обижай, обласкай, огрубели мы в походе-то, – бросил он на ходу, направляясь к домику вдовы.

Когда Анна вернулась к себе, её квартирант сидел за столом один, разбирая какие-то бумаги. Лицо его было сосредоточено и, пожалуй, даже угрюмо. Заметив Анну, просиял.

– Ныне ты, Аннушка, пожалуй, единственное светлое пятнышко, словно солнышко из-за тучки, – произнёс Пётр, пряча бумаги и поднимаясь ей навстречу. –Куда друга мого Алексашку подевала?

– Он к Марысе Ольшанской в гости пошёл. Я поводила его по Друе, к костёлу Святой Троицы подвела, а там недалече и Марыся проживает, – отвечала Анна, подходя к печи. – Пётр-бомбардир, печь растопить надобно, у тебя это ловко получается. Обедать будем, уж голоден, поди?

– Время обеденное, чаю, пора ужо. Есть охота, – согласился Пётр, берясь за топор и начиная лущить щепы для растопки печи.

– Ужо и зябко стало.

– Да, избёнка ветхая, тепло быстро уходит. В морозы топлю два, иногда три раза, – говорила Анна, хлопоча возле печи.

– Кулеш есть, подогреем только. Хлеб напекаю на целую неделю. Обед справим быстро. Баня к вечеру будет, Ефрем ужо топит.

Пётр, сидя на корточках возле топки, подкладывая поленья, посматривал на Анну снизу вверх, не переставая восхищаться ею. Крепкая, статная, полногрудая, с чёрной толстой косой, с озорными искрящими смешинками в глазах – она восхищала и притягивала к себе его необузданную страстную натуру.

– Аннушка, ты ведь красавица! Тебе кто-нибудь сказывал об этом?

– Да, были такие, – вспыхнув, отозвалась Анна.

– А не могла бы ты меня полюбить? Я тебе хоть немного нравлюсь? А уж, как я любить умею… Целовать и обнимать крепко, – говорил Пётр, улыбаясь, поглядывая на Анну, продолжая возиться с печью.

– Твоя любовь, как ветер, сегодня здесь, а завтра там.

– Напрасно ты эдак, ты мне люба: красива, весела, смышлёна. Давеча за столом я видел, и речь немецкую понимала нашу с Августом.

– А ты, Пётр-бомбардир, откуда речь немецкую разумеешь? – засмеялась Анна, смущаясь.

– Я-то? В твоём возрасте я в Немецкую слободу любил хаживать, друзей много имел там, вот и выучился.

– Что и Август со слободы Немецкой?

– Нет, – весело рассмеялся Пётр. С Августом я познакомился в другом месте.

Растопив печь, подошёл к Анне, обняв её сзади за плечи и заглядывая ей в лицо, спросил:

– Неужто я совсем не люб тебе? Если у нас всё сладится, после виктории над шведами, я могу вернуться за тобой и жениться. Война долго не продлится, разобьём шведов. Пока война – я должон быть там. Приходи сегодня в баньку ко мне, Аннушка, попаримся, спину потрём друг другу. Придёшь? Не отказывайся

– Не знаю, – ответила Анна, дёрнув плечами и сбрасывая с них руки Петра.

– Садись лучше за стол, есть будешь.

Впервые он встретился с её строгим, серьёзным взглядом. Те задорные весёлые искринки, постоянно играющие в её глазах, потухли. На него смотрели, наполненные мудростью глаза женщины, осмысливающей и выбирающей жизненный путь своей судьбы.

Пётр сел за стол, налил вина в две чаши, Анна принесла и поставила посредине стола горшок с ещё булькающим кулешом.

– Садись, Аннушка, похоже, что мы вдвоём только трапезничаем ныне, Алексашка теперь ужо вернётся только к утру. Выпьем с тобой за наше знакомство и за нашу непредвиденную любовь, – произнёс он с присущей ему страстностью, глазами, полными любовного обожания, глядя на Анну. Анна, смущаясь, присела к столу, взяв чашу, пригубила.

– За любовь надо пить досуха, – настаивал Пётр.

Анна допила вино, разрумянилась и повеселела. Пётр снова наполнил чаши.

– А эту чашу тоже досуха за викторию! Я вернусь с викторией и увезу тебя к себе в Москву. Ты будешь ждать?

Анна молча кивнула головой. Ей было весело, легко, она уже ни о чём не думала, давая себе волю, бросаясь в лавину человеческих чувств и страстей. Вино приятно согревало изнутри, делая руки и ноги ленивыми, а голову лёгкую и беззаботную. Всё вызывало веселье и смех. Сидя за столом, смеясь над пустяками, они услышали топот в сенях и стук в дверь.

– Ах, чёрт, Алексашка вернулся! – подумал с досадой Пётр.

– Входи! – крикнула весело Анна.

Вошёл человек небольшого роста, внизу из-под зипуна его виднелась чёрная ряса.
– Входи, входи, Ефрем! Кулеша отведаешь?

– Благодарствую, Аннушка, ужо отобедал. Что-то поздняя у вас трапеза. Ужо солнце садится. Банька для гостя готова, может подождать малость, пока силу возьмёт, и с богом. Отец Иосаф передал, можешь у Алдоны опять заночевать, если гости на ночлег останутся.

– Да, Ефрем, спасибо.

Ефрем вышел, аккуратно прикрывая за собой дверь. Анна засмеялась. Сегодня ей было безрассудно весело, всё казалось смешным и забавным. Весело болтая за столом, Пётр не забывал подливать Анне вино. За окнами было уже почти темно, когда он засобирался в баню.

– Однако, как быстро темнеет, – заметил он, – ты проводишь меня? – Пётр вопросительно глянул на Анну, – я не ведаю, где баня, в потёмках не найду.

– Ладно, провожу, – чуть поколебавшись, отозвалась Анна. Фонарь прихвачу, там темно.

Взяв свечу, и запалив её от стоящей на столе уже горящей свечи, засунула её в фонарь, подождала, пока она ярче разгорится. Дыханием загасила свечу на столе, прихватила рушник для обтирания. Накинув на себя платок, шубейку, решительно произнесла:

– Ты одет, бомбардир? Пошли?

Они вышли во двор. Было уже совсем темно. Анна шла впереди, неся перед собой фонарь. Свет от него тускло падал на расчищенную от снега дорожку, на сугробы с двух сторон окаймлявших её. Пётр шёл сзади, под ногами поскрипывал снег, впереди виднелась фигура Анны, освещённая тусклым светом фонаря. Он чувствовал, как нарастающее возбуждение поглощает его разум, страстное желание обладать этой, так приглянувшейся ему девушкой, охватило его тело. Едва сдерживая себя и томясь, идя следом за ней, он дал волю своей страсти, едва они вступили в предбанник. Анна плотно прикрыла дверь, заботясь, чтоб не ушло тепло, поставила фонарь на скамью.

Пётр обвил её тело руками, крепко прижав к себе, осыпая её лицо поцелуями, страстно шептал, стягивая с неё платок, порывисто расстёгивая, снимая и отбрасывая в сторону шубейку:

– Мила ты мне, Анна! Люба ты моему сердцу, лапушка моя! Скажи, что и я тебе люб.

Анна молча, вяло сопротивлялась, потом затихла, давая возможность Петру стянуть с себя одежду, как бы о чём-то раздумывая, уже обнажённая, наблюдала за его порывистыми движениями. Он, срывая с себя одежду, бросал её на скамью в угол предбанника, страстно просил:

– Ну, скажи, скажи, что я тебе люб.

Наконец, покончив возиться с одеждой, Пётр порывисто обернулся к Анне. В тусклом свете фонаря, он увидел её стройный силуэт, струящие по плечам волосы. Почувствовал, вдруг, как нежные девичьи руки обвили его стан. Прижавшись к нему и слегка вздрагивая, Анна прошептала:

– Люб ты мне, люб, Петенька.

– Ты чего дрожишь? Тебе холодно, или боишься?

– Мне и холодно и я боюсь.

– Тебе нечего бояться, моя лапушка, не обижу тебя. Пошли греться, – вымолвил Пётр, одной рукой обнимал Анну, а другой, хватая с лавки фонарь, и ногой открывая дверь в баню. Дверь под натиском распахнулась. Пахнуло жаром. Они окунулись в облако пара, подхваченные волной страсти.

Утром Анна проснулась в объятиях Петра. В дверь стучали. Анна испуганно высвободилась из-под его могучей руки. Выше натянув покрывало из овчины на обнажённую грудь одной рукой, другой рукой стала будить и тормошить Петра.

– Петенька, Пётр, – испуганно умоляла она.

– Проснись, Петенька!

– Аннушка, что случилось? – спросил он спросонья, протирая глаза и приподнимаясь на локоть.

– В дверь стучат, Пётр! Меня не должны здесь видеть. Я ночую у Алдоны.

– Ах, да, – сообразил, наконец, Пётр.

– Кто стучит? – спросил он громко, поднимаясь и натягивая на себя одежду.

– Мин херц, это я!

– Дай одежду натянуть. Сейчас выйду!

Одевшись, отбросив засов, Пётр вышел в сени. В сенях стоял Меншиков, лукаво улыбаясь, спросил:

– Что, мин херц, всё ладно, виктория у нас на фронтах любовных? Виктория! Это нам не Нарва, не Карлус! – он криво усмехнулся.

– Молчи, не то прибью сейчас, – замахнулся Пётр на Меншикова.

Тот выставил вперёд руку, прикрывая лицо.

– Что душу-то рвёшь и так тошно от конфуза нашего.

– Ты, всё ж, думаешь это конфуз?

– Э…, – мрачно произнёс Пётр, безнадёжно махнув рукой.

– Не тужи, мин херц, ничего мы пока не ведаем.

– Иди на заезжий двор, готовься в дорогу, Алексашка, через пару часов выезжаем на Новгород. Водки возьми для согрева и еды в дорогу. Я скоро буду.

– А Аннушка, как сладкая? – оскалился Меншиков, кивая на дверь.

– Да иди ужо, иди, –с досадой отмахнулся от него Пётр.

Аннушка уже оделась и хлопотала возле печи, грустно посматривая на Петра.

– Ну, что пригорюнилась, пташка? – спросил Пётр, привлекая её к себе и нежно целуя.

– Покидаешь ты меня, Петенька, горько мне.

– Кончится война, вернусь и заберу тебя, лапушку. Я должен воевать, я же бомбардир.

– А, ежели убьют? – спросила она, бледнея и с тревогой уставившись на него.

– Я крепкий, заговорённый, меня не убьют, – засмеялся он, беря в руки топор. – Печь растопим, воды накипятим, чаю попьём горячего. Там мясо, рыба со вчерашнего дня оставались, посидим, поедим и надо мне в дорогу отправляться.

Весело затрещали дрова в печи. Вскоре забулькала вскипевшая вода в горшке. Наскоро перекусив, готовый уже покинуть эту гостеприимную избушку в глухой провинции, он глядел

в прекрасные наполненные слезами глаза девушки. Видя искреннюю любовь и преданность на её лице, проникаясь к ней чувством благодарности и нежности, произнёс:

– Люба ты моему сердцу, не печалься, я вернусь за тобой. Под подушкой я оставил кошелёк, прими от меня презент, считай его свадебным подарком.

Пётр нежно целовал Анну в её ставшие такими родными, прекрасные и влажные от слёз глаза.

– Я полюбила тебя, Пётр. Я буду ждать тебя, не сомневайся. Моя любовь будет рядом с тобой, как оберег, она не позволит тебе забыть меня.

Пётр, сделав над собой усилие, покинул эту маленькую избушку, где он неожиданно для себя был так счастлив.

– Боже, как тоскливо и как противно на душе! Будто отрываю от себя своё – дорогое и давно мне принадлежащее, но доселе неведомое.

Возок, в ожидании Петра, уже стоял в заезжем дворе. Меншиков хлопотал тут же, осматривая лошадей, колёса, накидки из овчины, запасаясь провизией. Видя мрачного Петра, спросил:

– Что с зазнобой трудно расставаться?

Пётр, не отвечая, стал мрачно устраиваться в возке. Меншиков пристроился рядом.

– Ну, что поехали, мин херц?

– Поехали! Распорядись, чтоб проезжали мимо монастыря, зайди к игумену Иосафу и отдай от меня вот это пожертвование для нужд обители, Пётр протянул Меншикову кожаный потёртый мешочек, наполненный монетами.

– Однако, тяжёленький, – произнёс, улыбаясь, Алексей, перебрасывая кошелёк с одной руки на другую.

– Какой уж оказался, больше при себе не имею, – буркнул Пётр, отворачиваясь.

– Вези, братец, к монастырю Благовещенья! Там остановишь ненадолго! – крикнул Меншиков вознице.

Возок тронулся. Пётр, насупившись, смотрел в сторону.

– Что, мин херц, как туча чёрная? Анна что ли сердце твоё так сильно ранила? Да, хороша девка, не ты бы, сам сердце своё ей отдал бы, – одобрительно крякнул и засмеялся Меншиков.

– Тебе что вдовицы мало было? – хмуро спросил Пётр.

– Нет, там порядок, но вдова – товар поддержанный, сам понимаешь. Алексей опять рассмеялся. Возок остановился.

– Кажись – обитель. Так я пошёл?

– Иди, только шустро, лошади простынут, – хмуро отозвался Пётр.

– Понял, мин херц, не беспокойся.

Меншиков скрылся за воротами. И верно, его не пришлось долго ждать. Вскоре он уже пристраивался в повозке, тщательно укутываясь в овчину.

– Гони к Новгороду! – крикнул он вознице.

– Отдал?

– Отдал. Объявил, что от царя Петра пожертвование. Сказал, что Пётр-бомбардир – это царь Пётр, что ты был в Друе с тайной миссией. Сказал, что всякому за разглашение смертная казнь положена, дело государственной важности. Благословил меня батюшка и дела наши ратные, обещал за тебя перед Господом нашим похлопотать.

– Ну и ладно, пусть будет так, – скупо одобрил Пётр.

– А что от тебя, мин херц, Август-то хотел? Что-нибудь важное?

– Да, нет, ему сейчас так же плохо, как нам. Карлус сейчас попрёт или на Запад на Августа, или на Восток на нас. Датское королевство теперь не в счёт. Разрабатывали с Августом тактику наших связей в плане наших союзнических отношений.

– И как?

– Будем продолжать затяжную войну, изматывать противника малыми боями, не давая генеральных сражений. Я на – Востоке, Август – на Западе. Вот примерно так и договорились. Пусть Шереметьев изматывает шведов, а я начну с тылов. Надобно свою армию сделать не хуже саксонской и шведской. С такой армией как у меня воевать стыдно, не к лицу мне. Я ещё покажу им всем, как надобно воевать, – Пётр примолк.

Разговор не клеился. В окне мелькали голые стволы деревьев, кусты, хутора, вёски. А в глазах Петра стояла Анна. Её милое полудетское лицо, и слезинки на глазах, и эта ночь, проведённая в маленьком, мало кому известном городишке Друя, простые человеческие отношения, чистота и искренность – всё это всколыхнуло его душу, оставляя глубокие рубцы.

– А бывает же такое! Ни подарков, ни корысти. Чтобы душа, как единое целое, – размышлял он, трясясь на ухабах, чувствуя навалившуюся на сердце тоску.

Глава 4

Царская повозка проскочила сквозь раскрытые ворота, остановилась возле крыльца.

– Вот и конец пути. Мы в Новгороде, мин херц, – разминая ноги и распахивая дверцу повозки, произнёс Меншиков.

Вбежали на крыльцо и зашли в покои. Было тепло, печи здесь натопили заранее. Весть, что в Новгород едет царь Пётр Алексеевич, быстро распространилась по городу.

– Хорошо-то как возле печи с дороги, с морозцу, – говорил Пётр, прижимая замёрзшие руки к кафельной плитке печной стены.

Меньшиков, сидя на скамье, стягивал с застывших ног обувь, когда в дверь постучали.

– Входи, кто там? – крикнул Алексей и проворчал:

– С дороги очухаться не дают.

Вошёл совсем ещё молодой офицер.

– Павел Ягужинский, при Шереметьеве он, государь, – взглянув на вошедшего, пояснил Меншиков Петру, продолжая стягивать с себя обувь.

– Ты откуда? – спросил Пётр, напряжённо всматриваясь в юное лицо офицера.

– Из-под Нарвы я, от Бориса Петровича. Только прибыл, – докладывал тот, вытягиваясь.

– Ты, брат, не тянись, а садись на скамью ближе к печи и рассказывай.
Пётр поморщился.

– Что там конфузия?

Павел кивнул головой, сел на скамью рядом с Меншиковым.

– Ты грейся, брат, и докладывай. Сейчас трапезничать пойдём, в трапезной уже накрывают, – сказал Пётр, а сам, не присаживаясь, стал расхаживать по низким жарко натопленным хоромам.

– Пять тысяч солдат потеряли на разломавшемся мосту, тысячи всадников наших погибли в Нарве, утопли, более пяти тысяч убито, потеряли полностью артиллерию. Семьдесят девять генералов и офицеров были вынуждены сдаться в плен, а герцог... Этот первым сдался и добровольно.

– Герцог? Первый? Вот сукин сын! Герой! Враль паршивый!

Пётр в бешенстве заметался по комнате.

– Предатели! Воры! Ты слышал, Алексашка, что эти гады умудрили? Они что думают? Я мира просить буду? Выпрашивать их из плена буду? Старики дурацкие! Омолодить офицеров надобно, молодых набрать!

– Ты, Павел, поешь, согрейся малость и иди в город, найди сотни три, а то и более подвод, грузи печёный хлеб и отправляйся навстречу отступающему войску. Одни ведь идут, без офицеров – трусов подлых. – А ты, Данилыч, город Новгород тебе поручаю. Сегодня же копать рвы, согнать людей всех, любого чина и звания, попов с попадьями, монахов и монашек, весь люд на укрепление города. Дальше Новгорода шведов не пустим!

Немного успокоившись, Пётр произнёс:

– Ничего, конфузия – есть урок. Шведы над нашим войском викторию получили, что есть – бесспорно, но надлежит понимать, над каким войском оную учинили. Эта крайняя неволя заставит нас мобилизовать ресурсы для продолжения войны.

Сев на скамью, двумя руками уцепившись за её край, бешено вращая глазами, распорядился:

– Зови, Данилыч, воевод, бояр новгородских, пригласи купцов, говорить с ними буду. Деньги нужны, провиант. Новгород оборонять будем. А сейчас в трапезную! Милости прошу. С дороги дальней мы все вернулись. Нам сила нужна. Дела великие ожидают!

И закипела в Новгороде работа: «...рвы копали и церкви ломали... Палисады

ставили с бойницами, а около палисадов обкладывали с обеих сторон дёрном... А на работе были драгуны и солдаты, и всяких чинов люди и священники, и всякого церковного чина – мужеска и женска пола... А башни насыпали землёю, сверху дёрн клали, – работа была насыпная. А верхи с башен деревянные и со стен кровлю деревянную же всю сломали… И в то же время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служб не было... В Печёрском монастыре велено быть на работе полуполковнику Шеншину. И государь пришёл в монастырь и, не застав там Шеншина, велел бить его нещадно плетьми у раската и послать в полк, в солдаты...

И в Новгороде же повешен начальник Поскочин за то, что брал деньги за подводы, – по пяти рублев отступного, чтобы подводам у работы не быть...», – так писал современник о тех тяжёлых для Петра временах.

А вся Европа в это время смеялась над неудачливым царём Петром из далёкой варварской Московии. Королём шведским Карлом XП запад восхищался, почитая его как героя.

Карл так взбодрился после победы под Нарвой, что собирался, было, броситься вслед за уходящим войском русских вглубь Московии, но зима осадила его прыть, холода поджимали. Пришлось Карлу отвести своё войско на зимние квартиры. У него в это время была самая сильная армия в Европе.

– Куда идти? На восток? В Московию? Брать бедные и нищие города, преодолевая пустынные земли? Там ведь мало добычи и славы. Или идти всё же на юго-запад против Августа вглубь Польши, в Саксонию? Там много богатых городов, шёлка, вина, золота, кабаки и красивые женщины, – размышлял самовлюблённый юный король, осыпанный славой и восхищённым одобрением европейцев.

Но вот, наконец, и пришли летние тёплые деньки. Карл выделил восьмитысячный корпус под командой Шлиппенбаха и послал его к русской границе. Сам же быстрым маршем пройдя

Лифляндию, в двух верстах выше Риги перебрался на барках через Двину и, вступив в бой, разбил войска короля Августа.

– Это не те вшивые и плохо обученные русские, а сильнейшие в Европе саксонские солдаты, – хвастливо заявлял он, гордясь своей победой.

После этого, словно крылья выросли за плечами Карла. Слава затмила разум. Он уже не нуждался ни в чьих советах.

«Король Карл ни о чём больше не думает, как только о войне… Он больше не слушает разумных советов... Он так разговаривает, будто Бог непосредственно внушает ему дальнейшие замыслы… Он полон самомнения и безрассудства...», – так высказался о нём один из его сподвижников.

После битвы под Ригой Карл устремился в погоню за Августом. Король был большой любитель охоты, погоня была созвучна с этим пристрастием, рождала возбуждение и охотничий азарт.

Польша жила неспокойно. Там шла кровавая междоусобная свора. Панство решило, что им нужен новый король. Они создали такие обстоятельства, что Август вынужден был бежать из Варшавы в Краков. Условия складывались благоприятные для шведов, и Карл спокойно без боя вошёл в польскую столицу. После этого началась охота короля за королём, словно на шахматной доске. Европа была в восторге от отважного короля Карла, ему рукоплескали, им восхищались. А вот на диком Востоке расправиться с царём Петром и с варварской Московией, Карл предоставил своему генералу Шлиппенбаху.

Пётр был уязвлён неудачами, не мешкая, развил бурную деятельность. Вся зима прошла у него между Москвой, Новгородом и Воронежем, где он затеял строительство кораблей черноморского флота. В Москву было свезено девяносто тысяч пудов колокольной меди, снятой с колоколен церквей, для отливки новых орудий. Были закуплены новейшие ружья, подзорные трубы, сукно, шляпы с перьями для офицеров, полотно. Вместе с этим вербовали в Европе мастеров разных профессий. От зори до зори шла муштра и военные ученья в армии.

Через две недели напряжённого труда после прибытия в Новгород Пётр послал Шереметьеву распоряжение:

– Поручаю тебе командование конными полками, собери их остатки и с ними «итить в даль для лучшего вреда неприятелю» и «...не чини отговорки ничем, войск у тебя достаточно, болота и реки замёрзли, препятствий для марша нет. Небольшими отрядами наноси локальные удары».

Шереметьев усердно выполнял распоряжения царя, иначе и быть не могло. Опираясь на его усердие, и сам Пётр, согласно тайному союзническому договору с Августом, продолжал укреплять боеспособность своей армии, готовя в тылу её мощь. Крайняя нужда заставила царя развернуть бешеную энергию по устранению последствий провала боевых действий под Нарвой.

В эти трудные дни Пётр редко посещал Москву. Он был полностью поглощён военными тревогами, связанными с борьбой с «северным героем», с поездками в Новгород и Воронеж, но, когда бывал там, не забывал посещать Немецкую слободу. Атмосфера европейского быта здесь, давала отдых душе, да и красавица Анна Монс все еще была ему не безразлична. Хотя чувства были уже не те, что раньше, понемногу стал приходить рассудок и отрезвление. Постоянные отъезды из Москвы, вынуждали поддерживать общение с ней чаще всего перепиской.

Эти письма Анны Петру были скорее настойчивыми ходатайствами, просьбами и унизительными выпрашиваниями каких-то благ себе, своей родне, знакомым и незнакомым людям. От природы, имея склонность к стяжательству, она стала втягиваться в разные тяжбы. Анна и её родные не жалели своих клиентов, извлекая из них материальную выгоду.

«Я прошу, мой милостивейший государь и отец, не презри мою нижайшую просьбу, ради Бога, пожалуй, меня, твою покорнейшую рабу до моей смерти А.М.М.», – читал он в конце письма. Такие похожие приписки она делала своей рукой в конце этих посланий.

Всё ещё влюблённый Пётр с готовностью выполнял все её просьбы, осыпал Анну щедрыми подарками. Вскоре от этих щедрот она наполнила свои хоромы драгоценностями.

В знак большого расположения к ней и её семье Пётр взял к себе на службу её старшего брата Филимона, а впоследствии и младших братьев.

– Всё ж не прав ты, Алексашка, что судишь меня, и брови недовольно сдвигаешь в сторону Монсов. Пойми, как можно мне иначе? С домом покойного старика Монса, отца Анны, была связана вся моя юность. Приятное и весёлое время было, скажу тебе! Вся юность там прошла. Я сдружился с этим семейством, их дом стал для меня ближе и роднее, чем свой собственный. Я не только расположен к Анне Монс, но и определённые обязательства и благодарность ко всему его семейству имею. Я чувствую себя, как бы членом этого милого для моего сердца семейства. Здесь с юных лет находил утешение и покой, отдыхал душой от вражды, склок и условностей своей родни, – открывал душу Пётр своему фавориту.

Но, говоря так, сам же в последнее время ловил себя на том, что мысль с тоской всё чаще и чаще возвращала его в тот маленький литовский городок, где его полюбили не за его подарки, возможности и положение, не как могущественного государя, а как простого Петра-бомбардира. Полюбили без оглядки, без претензий и корысти.

– Две Анны, а такие разные, – размышлял он, перебирая в памяти ту волшебную ночь и день, которые оставили приятные и неожиданно глубокие чувства.

Побывав в Москве и навестив свою подругу и её семейство в Немецкой слободе, Пётр вернулся в Новгород, где под присмотром Меншикова полным ходом шла подготовка и укрепление города к встрече с неприятелем. Сидя за столом со своим верным другом, осушая чаши с добрым вином, угрюмо слушал Меншикова. Тот, хрустя солёным огурчиком, вдохновенно и, как всегда весело, рассказывал о проделанной им работе, о мерах, которые принял: кого наказал, кого обласкал.

– Смотри, Алексашка, узнаю, что мзду берёшь, сам сечь буду, – мрачно заметил Пётр, взяв в руки кусок запечённого зайца.

Отгрыз кусок, спросил:

– Сам на зайца ходил, или принёс кто?

– Сам, сам подстрелил. В этом году они чуть ли не в город забегают, расплодились. Что ты, мин херц, мрачный такой? В Москве что случилось? А может, Монсиха была не любезна? – участливо спросил Меншиков, доливая вино из чаши.

– Любезный моему сердцу был друг у меня – Лефорт, царствие ему небесное. Весёлый был.

Пётр, махом осушив чашу, поставил на стол и глянул на Меншикова.

– Теперь ты единственный остался, с кем могу говорить о всяческих делах своих. Ты – верный друг, но вор, знаю про то. Много тебе прощаю пока, до поры, – он махнул рукой, видя,

что Меншиков готов возразить. – Всё ведаю, не возражай. Это Лефорт ввёл меня в семейство Монс. Там с Анной познакомил. Про меж них тогда любовь была. Он мне уступил Анну, хотя я знаю, что любовная связь у них продолжалась. Я по уши влюбился в эту красавицу, был болен этой любовью. Впрочем, и сейчас ещё я не избавился от этой хвори.

Он с сожалением покачал головой, вновь наполняя чашу вином.

– Она никогда не любила меня, да и сейчас не любит. Признаюсь тебе в этом. Я ей был нужен. Я это чувствовал всегда. Была холодна со мной, хотя очень старалась уверить меня в обратном. А я любил, старался купить её любовь, осыпая дарами, ни в чём ей не отказывал. Но она любила Лефорта. Его не стало, но ничего не изменилось. Она меня так и не полюбила. Мне Анна всё ещё не безразлична, – Пётр замолчал, пережёвывая зайчатину, мрачно поглядывал на фаворита.

– Да, брось убиваться-то, мин херц. Бабы этого не стоят, вон их сколько... Любая твоя, – весело и беззаботно произнёс Меншиков.

– Да, любая, но без любви. Любовь не купишь.

– Что-то я перестал понимать тебя, мин херц! – Ведь твоя же! На хрена знать, что у ней внутри.

– Раньше и я так думал. А сейчас так захотелось искренности и тепла. Меншиков, сочувственно глядя на Петра, присвистнул:

– Так и знал, это Анна тебе душу отравила, та, друяночка. Угадал? Это после неё ты ходишь, как туча осенняя, как ёж колючий. Девка, конечно, хороша! Сам облизывался, но она того не стоит. Ты – государь, а она кто? Она даже сама не знает.

– Именно с ней я вдруг осознал, как важно, чтобы тебя любили. Не положение моё царское, не богатство и подарки, а меня, простого Петра -бомбардира.

– Если так невмоготу, вези её сюда, в чём трудность?

– Пожалуй, так и сделаю, вот только Карлоса разобью, сейчас не до этого, Я ей так и обещал. Хотел Анну Монс царицей сделать, а теперь другая Анна в сердце запала. Хорошо, Алексашка, самому любить, а ещё лучше, когда тебя любят. Я в своей семье любовью не избалован был, мать любила, да померла рано. Вот только Наталья – сестра моя, вместо матери мне стала, её только и люблю, остальные лукавят. Царица Прасковья, жена покойного брата Ивана, вижу, угодить старается. Нужен я ей, не возражает мне, жалую её, поддерживаю, но знаю, что лукавит. Приказал ей покончить со стариной, выбросить из хором всех: юродивых, калек, карликов, нищих и жалких – толпами по её дворцу топчутся. Так она перед моим приездом к ней прячет их по кладовым и закоулкам. Вижу, как сквозь щели их глаза на меня зыркают, и их морды высовываются, ждут, покуда я отбуду.

Меншиков весело рассмеялся.

– Старину сразу не вытравишь, мин херц, она в нашей крови сидит, дай время.

Глава 5

Между тем, князь Шереметьев, как ему было и предписано Петром, «шёл в даль». Старания, приложенные Петром, не пропали даром. Войска стали приобретать черты регулярной армии. В начале своём вылазки небольших отрядов Шереметьева по своему характеру скорее напоминали действие партизанских отрядов, а не регулярных войск. На ход войны они не оказывали особого влияния. Но армия совершенствовалась. Перед боями Шереметьев стал основательно собирать данные о противнике, рассылая разведку. Взяли в плен несколько шведов. Через них стало известно, что у Шлиппенбаха у мызы Эрестфер сосредоточено семь-восемь тысяч конников и пехоты. Узнали, что шведы намерены атаковать Печорский монастырь, где на зимних квартирах расположились русские полки. Борис Петрович решил упредить противника и взять инициативу в свои руки.

Русская армия, похоже, уже постепенно начинала пожинать плоды своей реорганизации. После Нарвы было создано десять новых драгунских полков. В конце декабря корпус Шереметьева выступил из Пскова. А через три дня, оставив обозы, тихо подошли к противнику, надеясь застать его врасплох. По глубокому снегу в полной тишине приблизились к лагерю шведов. Шведы не ждали русских гостей, они в это время весело отмечали Рождество. Пьяные голоса, крики, пение – всё было отчётливо слышно в лесу затаившимся воинам, ожидающим пока подтянуться задние ряды. Шведы продолжали предаваться беспечному разгулу.

Сражение Шереметьев дал в одиннадцать утра 29 декабря. Несмотря на неожиданность атаки, всё складывалось вначале не очень удачно, ведь в сражении принимали участие только драгуны. Они были быстро рассеяны по полю неприятельской картечью. Но вот, наконец, подтянулась пехота и артиллерия. На боевых позициях стало веселее, резко стало меняться соотношение сил и ход сражения. Бой продолжался пять часов сряду. В результате, Шлиппенбах был полностью разгромлен. Он вынужден был спасаться бегством. С остатками кавалерии шведы укрылись в крепости.

В плену у Шереметьева оказалось около ста пятидесяти пленных, шестнадцать пушек, а также провиант и фураж. Возникла шальная мысль преследовать беглецов, но Борис Петрович быстро отказался от этого намерения. Пристроившись в походном шатре, он принялся писать донесение Петру: «Идти было невозможно. Лошади отказывались идти, потому как глубокие снега коркой схватились. Где лошадь ступит, там увязнет, ноги не выдернет. Все они ободраны до мяса. Шведы от поражения надолго образумятся и не оправятся», – написал и задумался.

Но мысли оборвал вбежавший в шатёр сияющий и возбуждённый сын Михаил. Шереметьев поднял голову.

– Ну, Мишка, что? С викторией нас! Крикни кого, донесение царю отправить надобно, первыми успехами порадовать. В Псков возвращаемся. Распорядись собрать знамёна и штандарты шведов! В Москву сам их повезёшь. Тебе поручаю на белом коне в Москву въехать, викторию на щите привезти, – улыбка промелькнула на его лице. – Ты мой единственный сын, тебе и поручаю это вместо себя.

Москва встретила молодого Шереметьева звоном колоколов, пушечными выстрелами. Ведь впервые с начала Северной войны Москва праздновала победу. На Красную площадь выкатывали бочки с пивом, вином, мёдом. Царь угощал народ. На кремлёвских башнях развесили захваченные у шведов знамёна и штандарты, привезённые Мишкой Шереметьевым. На

площади для такой радости сколочены были государевы деревянные хоромы и сени для банкета. Напротив тех хором, там же, на Красной площади, сделаны были разные потехи.

Поэты не скупились в сочинительстве стихов, народ складывал хвалебные песни, восхваляя воинство. Приглашены были гости иноземные. Пётр очень надеялся, что послы и разные иноземные наблюдатели донесут до европейских дворов о его победе и поражении шведов, поэтому старался устроить празднества на широкую ногу.

Но Европа ещё находилась под гипнозом нарвской катастрофы. Да и молву о непобедимости шведов ловко поддерживал сам король Карл, хвастливо заявляя при случае:

– Если русские отошли к Пскову, значит, шведская армия сохранила боевой дух и способность держать в страхе неприятеля.

Пётр же был счастлив от первых успехов в ратных делах. Ведь это всё значило, что его усилия не пропали даром.

– Тебе, Алексашка, доверяю особое задание. Поезжай в армию! Повезёшь награды старику Шереметьеву, мою благодарность, орден Андрея Первозванного, а также жалую его чином фельдмаршала. Всем солдатам, кто участвовал в виктории, повезёшь по серебряному рублю. На монетном дворе отчеканили впервые вместо денежек, – похвастался он, вертя в руках новенькую монету. – Мы можем, наконец, бить шведов! – радостно воскликнул он.

На следующее утро поручик Меншиков поскакал в Псков с поручением от царя. Пётр хорошо понимал стратегию короля, понимал, что корпус Шлиппенбаха это только часть шведской армии. Но уверенности в том, что Карл не изменит намерений, не подойдёт вдруг с главными силами к Пскову или Новгороду, не имел. Король шведов для него пока был непредсказуем.

– Ведь он вполне может так же неожиданно, как подошёл под стены Нарвы, вместо того, чтобы гоняться за войсками Августа, двинуться на восток по мою душу, – размышлял он.

Поэтому, подумав, Пётр послал распоряжение Шереметьеву: «с весны поступать оборонительно...”, но случая не упускать.

Пётр стал терпеливо ожидать, когда шведский король окончательно «увязнет» в Польше. И вот, наконец, добрую весть принесли ему. Он находился в это время в Архангельске: «Король двинулся к Варшаве!»

– Добре сие, добре! Теперь Шлиппенбах не может рассчитывать на помощь Карла. Начинает, как я того желал, увязать сей щенок в Европе. Наступает истин час для нового похода в Лифляндию, – вдохновенно воскликнул обрадованный этой вестью Пётр.

Но всё же, не смотря на приказ Петра начинать поход, Шереметьев не спешил выступать. Фельдмаршал заботился об укомплектовании полков. Подбор офицерских кадров, солдат, подходящих для определённой работы, ожидание и получение драгунских лошадей, задержка пополнений из казаков, татар и калмыков – всё это задерживало начало поход.

Глава 6

Начало военной компании 1702 затянулось до середины лета. В распоряжении Шереметьева находилось восемнадцать тысяч человек, а у Шлиппенбаха только около семи. Поэтому шведская конница не выдержала напора русских и бросилась наутёк. Да ещё во время беспорядочного бегства она расстроила ряды собственной пехоты и обрекла её на полное уничтожение. Шлиппенбах торопливо бежал в Пярну и стал там собирать остатки своих войск, восстанавливать силы.

Почти два месяца Шереметьев находился на неприятельской территории, рассылая во все концы Лифляндии небольшие отряды разорения, сжигая и опустошая край. Он овладел несколькими небольшими крепостями.

Но вот со слабо укреплённой крепостью Мариенбург его осаждавшим войскам пришлось немало повозиться. Двенадцать дней шла осада крепости. А вся трудность состояла в её островном положении. Шереметьев написал в донесении к государю: «стоит на острове, около воды, сухого пути ни с какой стороны нет».

Целых двенадцать дней беспрерывно по его приказу бомбами забрасывали крепость. Деревянный мост, соединяющий с крепостью, разрушили сами же шведы. Грохот и гул стоял от взрывов ядер, закладывало уши. Осаждавшие солдаты были все в грязи, мокрые, измотанные, голодные. Кроме прочего назойливые комары, гнездящиеся здесь на болотах в изобилии. От них не было спасения. Атакованные ими солдаты до крови расчесывали свои тела.

– Спаси и помилуй, господи! Неужто отступать придётся? – промолвил Борис Петрович, обращаясь к стоящему возле него Павлу Ягужинскому. – Двенадцать дней бомбим, а подступиться не можем.

– Плоты бы навязать, Борис Петрович, – подсказал тот.

– А ведь ты прав, – оживился Шереметьев.

Пойди, распорядись! Пусть те избы, что там, в прибрежной полосе стоят, разберут, скрепят. Найди добровольцев на плоты и пообещай им вина, еды и сутки на трофеи.

Шереметьев наблюдал в подзорную трубу, как человек с тысячу добровольцев разбирали несколько бревенчатых изб, стоящих в низине, вязали брёвна, тащили их к воде. Затём, разместившись на плотах, отталкиваясь шестами, направились в сторону крепости. Шведские бомбы падали вокруг них, поднимая столбы воды, обрушиваясь потоками воды на плывущих людей, смывая многих, других раня и убивая.

– Ох, как злы шведы! Неужели отобьются? – тревожился Борис Петрович, спрашивая Ягужинского, подскочившего в это время к нему на разгорячённом коне.

Шереметьев взволнованно продолжал смотреть в подзорную трубу.

– Молодцы, ребята! Хороший удар! Башню разнесли и стену! Вон пламя-то как рвётся! – в восторге комментировал он увиденное. – Плоты наши уже подходят к крепости. А вот и белый флаг. Виктория! – закричал Борис Петрович радостно, пряча в карман трубу.

Вдохновенно перекрестился.

– Слава богу! От осады освободились. Теперь можно и в Псков подаваться на отдых.

Уже находясь в Пскове, фельдмаршал начал подводить итоги, взялся подсчитывать свои трофеи.

– Шестьдесят восемь офицеров, пятьдесят одна пушка, двадцать шесть знамён, и больше тысячи пленных. Неплохо, Борис Петрович, неплохо, – самодовольно похваливал он сам себя. – Павел! – позвал он Ягужинского, – отыщи-ка ты мне, братец, среди взятых нами пленных, бабу или девку, какая почище, да помоложе, чтоб здорова была и проворна в работе. Бельишко поистрепалось в походе: залатать надобно, да постирать. Баба нужна в обозе, чтоб присмотрела за мной, а то, похоже, опаршивел весь, – говорил он почёсываясь. Комары, или блохи – не ведаю, кто кусает.

– Сделаю, Борис Петрович. Сейчас же пойду и сыщу, – отозвался Павел, хватаясь за треуголку.

– Шустрый ты, Павел, этим люб мне. Иди, любезный, сыщи. Я пока Петру Алексеевичу грамотку сочиню. Доложить о виктории нашей, порадовать государя надобно.

Разложив перед собой бумагу, обмакнув перо в чернила, подумав, принялся за сочинительство донесения, шевеля губами, бормоча, иногда вздыхая. Вошёл Ягужинский.

– А я, братец, всё ещё пишу. В бою, сидя на лошади, приятней, чем сидя за столом писать грамоту. Что нашёл мне бабу? – поднял голову от стола, посмотрел на Ягужинского.

– Так, Борис Петрович, как велели.

– Давай её сюда быстрей, нет мочи терпеть, заели проклятые насекомые, почиститься надобно.

Ягужинский, открыв дверь и высунув голову в сени, позвал кого-то.

– Иди сюда, заходи, не бойся, фельдмаршал видеть тебя пожелал. Да не трясись ты, худа тебе не будет.

Вошла совсем молодая девушка лет восемнадцати. Красивая, статная, с копной чёрных волос, обрамлявших её лицо, с белоснежной и нежной кожей, с ярким румянцем. Она, как загнанный в угол зверёк, смотрела на Шереметьева своими чёрными искрящими глазами с нескрываемым страхом и недоверием.

С минуту Борис Петрович осматривал её.

– Ты не бойся меня – старика, худа тебе не будет. А у тебя неплохой вкус, Павел.

Тот оскалился в улыбке.

– Это служанка пастора Глюка – Марта. Я выведал, она по дому всё умеет.

– Ладно. Ты, Павел, отправь гонца с этой грамоткой царю Петру и скажи денщику, чтобы поесть и выпить принёс нам с Мартой. А ты садись, красавица, на ту скамью, я освобожусь сейчас. Ничего не бойся.

Склонившись над столом, Шереметьев, повозившись с пакетом, передал его Ягужинскому. Тот, приняв пакет, вышел. За закрытой дверью ещё были слышны его распоряжения насчёт трапезы для князя, а Шереметьев, обернувшись к Марте, попросил:

– А теперь сказывай, девица-красавица, как звать величать, какого ты рода-племени, девица или баба ужо, всё сказывай о себе.

Борис Петрович сел с другого конца скамьи, смотря вопросительно на Марту.

– Зовут меня Марта Скавронская, – начала та по-немецки. Мой отец Самуил помер от лихорадки, был он литовский крестьянин. Я его плохо помню. Когда он помер, моя семья переехала в рижский округ, в деревню Ленневайден, что на речке Румбе. Матери было трудно одной нас содержать, и меня в двенадцать лет она отдала в услужение пастору Даут, там же в том же округе в Роопский приход. Семья моя была католическая, когда я стала взрослая, перебралась в Мариенбург. Пошла в услужение к пастору Глюку. Я стала лютеранского обряда держаться, – она на мгновение примолкла и смахнула слезу. – Я вышла замуж за шведского драгуна Йохана. Его прямо со свадьбы отозвали в полк в Ригу. Он посадил меня к себе на лошадь, я проводила его до моста, там мы расстались, больше его не видела, – несколько слезинок скатилось с её глаз.

Борису Петровичу стало жаль её. Было в ней какое-то располагающее очарование и детская беззащитность.

– Ты слёзы-то не лей, ужо ничего не вернёшь назад, не трави душу старику. Шить, стирать умеешь? Убираться?

Она кивнула головой.

– Этим с измальства занималась, всё по дому могу делать.

– Вот и ладно. Будешь при мне служить. Мне нужна женская рука, в походах совсем опаршивел, – улыбаясь, почесал подмышку. – Не горюй, вон нам уже есть несут.

Он кивнул на входящего в покои денщика, с провизией в руках.

– Ты, брат, и вина нам доставь, мы с Мартой пить будем.

– Я не пью вина.

– Научим, привыкнешь.

Глава 7

— Пока Борис Петрович в Лифляндии гостюет, викторию нам добывает, мы с тобой, Алексашка, в Город (Архангельск) отправимся, – произнёс Пётр, отрывая взгляд от карт, разложенных на столе.

– В Город? – Алексей удивлённо поднял брови.

– Весть получил, Карлус хочет послать атаковать этот наш единственный морской порт, пока что это наш единственный морской мосток с Европой, оборонить надобно. Но сие не самое главное.

Пётр задумчиво глянул на Меншикова.

– Это будет наш отвлекающий манёвр. Мы убиваем сразу двух зайцев.

Пётр лукаво подмигнул.

– Достойный отпор неприятельскому флоту в Городе – это пол дела. Надобно овладеть Нотебургом, вернуть России древнерусский город Орешек. Нам Нева нужна. Пока лёд на Неве, неожиданно нападём на шведов. Все сии приготовления зело хранить тайно, как возможно, чтоб никто не дознался.

– Да, понимаю, мин херц. А для меня какой наказ будет?

– Тебя я перво-наперво назначаю воспитателем Алексея, сына моего.

– Царевича? – озадачено переспросил Алексей Данилович.

– Его в поход беру с собой, ему только двенадцать... Пусть обвыкает, он мой наследник. Беру в Город два гвардейских полка, свиту человек пятьдесят и сына. Отвлеку внимание всех, а сам, прихватив полк солдат, неожиданно появлюсь на Ладоге. Как тебе сей план?

– Хитро задумано. Когда из Москвы выходим, мин херц?

– Сразу и выходим, чем быстрей, тем лучше. До весенней распутицы надо успеть.

Расстояние от Москвы до Города Петр преодолел за тридцать дней. Но операция по внезапному нанесению удара противнику не состоялась из-за рано наступившего половодья, да и тылы не успели подготовиться. Шлиппенбах, собрав силы, мог отрезать обозы, оставив гарнизоны без поддержки и продовольствия. Пётр остался в Городе и провёл в нём около трёх месяцев, но время зря не терял. За этот период успел спустить на воду два фрегата.

Обременённый заботами о военной операции, он успевал писать и отвечать на письма Анны, хотя, где-то в глубине души, он уже ощущал перемены в своём отношении к ней. Нет, страсть ещё не утихла, нежные чувства всё ещё продолжали волновать его сердце. Письма от неё радовали, а после прочтения огорчали. Но он уже знал, существует другой мир общения, выстроенный на других человеческих ценностях. То случайное знакомство с другой Аннушкой с далёкого литовского городка, где он коснулся чистых и бескорыстных чувств, не давало успокоиться сердцу. Что-то стало бунтовать внутри. Всё сильнее в письмах Анны Монс его стали раздражать: лесть, фальшь, корысть – всё то, на что он раньше закрывал глаза, не придавая значения. Все послания к нему были наполнены всяческими настойчивыми просьбами. Это увеличивало раздражение. Но, всё же, пока он не мог ей ни в чём отказать. Она и её семья по-прежнему были дороги ему. Вот и последнее её ходатайство о саксонском посланнике Кениг-

секе ничуть не удивило его. По её настойчивой просьбе Пётр взял его в поход добровольцем и поставил при себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.